

№ 15 АВГУСТ 1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

смена

1917
ВЛКСМ
1968

ми пролегли по территории района, расположены его на прямоугольники кварталов. Район надо знать как свои пять пальцев, чтобы мгновенно отреагировать на каждый травожный сигнал, срочный вызов. В работе Михаила от секунд и минут зависят многое.

В районе живут десятки тысяч людей. И надо знать многих из тех, чей покой охраняет милиция. Особняко же надо знать тех, кто способен вдруг замести руки с ножом, нынче в чужую квартиру.

Я, конечно, задал Михаилу классический в разговорах с работниками милиции вопрос:

— А лично вы участвовали в ликвидации особо опасных преступлений?

— Мы предпочитаем такое положение, когда они не ликвидируются, а предотвращаются. А уж коль случилось...

Чтобы этого не было, Михаил собирает «труд-

ных подростков, без меры тратят на них положенное для отдыха время. Работа для него не исчерпывается часами службы. Для себя, для семьи остается очень мало времени, и это очень огорчает Михаила, но иначе он уже не может: здесь есть девиз: Мы называем милиционеров холмогорами, но чтобы действительно был порядок, все ниточки от него должны сосредоточиваться в крепких руках.

Самыми удивительными своими дарами Михаил Ключухин считает те, когда никаких происшествий в районе не происходит. Он без устали работает с ребятами своего взвода, проверяет посты, работает, когда другие отдаются во время большого праздника, спортивных соревнований, матчей и когда демонстрируется очередной кинофильм.

— Какими наградами вы награждены еще?

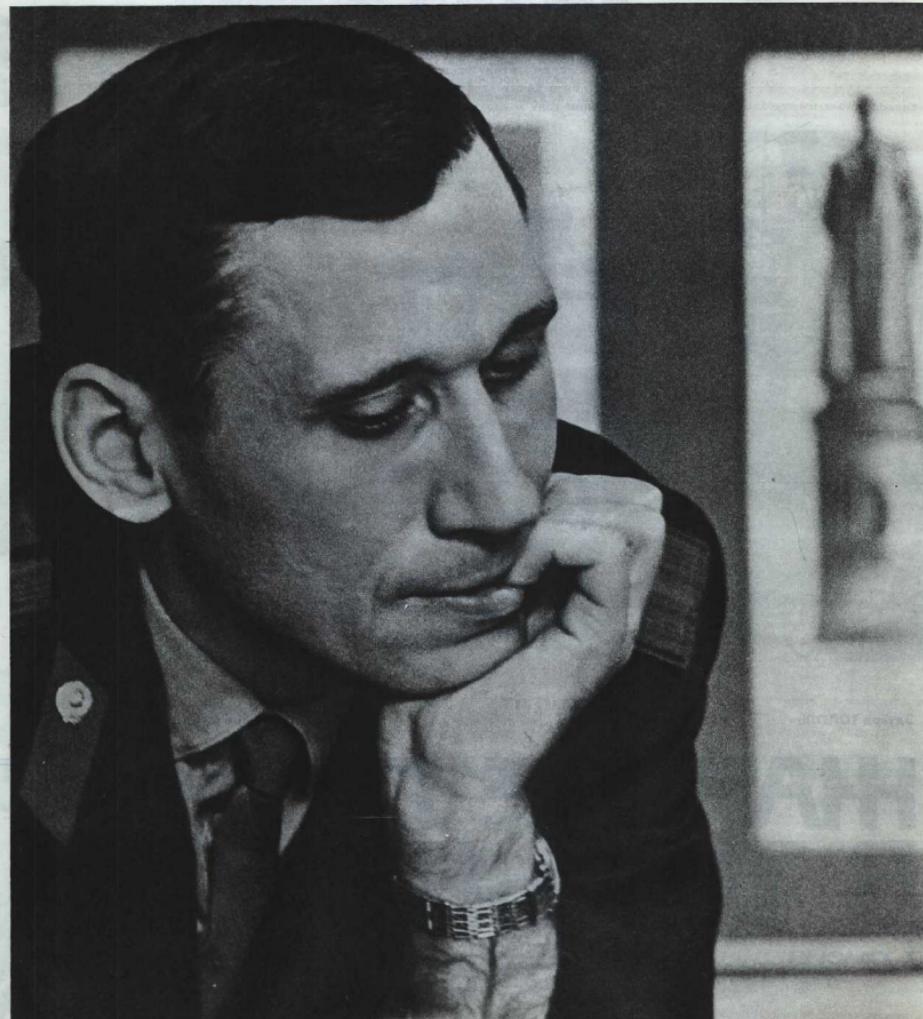
— Высший комсомольской — «Почетным звонком ВЛКСМ».

На счету у Михаила есть предупреждения граждан и схватки с рецидивистами. Младший лейтенант Михаил Ключухин награжден за безупречную службу.

По роду своих обязанностей Михаил должен быть готов каждую минуту встретиться лицом к лицу с подлостью, грязью, нечестностью. Поэтому, должно быть, он сказал: злость заставила его, зонина-теннисиста, рабочего человека, надеть синюю форму.

По роду своих обязанностей Ключухин каждый день сталкивается с высоким пониманием долга, самоотверженностью, гражданственностью в самом благородном понимании этого слова. И мне кажется, не злость, а любовь привела Михаила к его трудной и важной работе. Любовь к людям, которые живут рядом с ним.

Л. КОРНЕШОВ

**Плацдармы
комсомольской
славы**

Виталья Досаев сидит у окна и погружается в воспоминания. Он — парик — маленький, с редкими деревьями, изысканный. В будущем город, который построят для нового завода, такого пения не будет, что было. Там настолько парки будут, там же Волга совсем рядом и дома, высокие, как небо, чистые, чистый километр. Про это написать, что ли? Сегодня, конечно, Тавар Иванова не станет отмечать, когда она располнеет, попросив, чтобы мы «без всякой сочинки, витым склоняется над газетами».

Четвертый «г» пишет сочинение на тему «Тольятти в будущем».

«НАШ ГОРОД ОЧЕНЬ СТАРЫЙ, ЕМУ БОЛЬШЕ ПОЛСТОЛЯ. Но это не значит, что он еще молодой, потому что в нашем городе много молодых людей. А ведь Тольятти был основан в Ставрополе, а теперь его называют Тольятти в честь Знаменитого советского конструктора, который жил для счастья людей. Там, где был основан город, вспомнил Год и теперь наши берега омыает Жигулевское море. В 1964 году речники в нашем городе построили новый завод. Он в длину десять километров, а в ширину шесть. В прошлом году я ездил туда. На

пустыре были одни заметки бумаги, а вчера я увидел там стройку. В 1966 году там вырыты глубокие котлованы, поставили столбы и сваи будущих цехов...»

На строительной площадке авторам пришлось спросить, что там дальше делать, никому в вину не приносить, а в ширину шести», рассказал монтажник бригады Константина Юдина об этих сочинениях.

— А то, что прошлый год тут один «западный будущий» был, — один точек вставлять, отозвался молодой монтажник Влада Василько. — Я сюда пришел в мае 1966 года из города Никополь Днепропетровской. «Днепроизхлестстрой» знает? Ну, вот. Мы с новой услышали, что в этом году строят завод «Покхлани!» Они согласны. Ладно, я слух, она от меня письмо ждет. Отписываю ее письмо, и она говорит: «Ну, я с тобой вчера ворвалась на стройку иду. Тут им этих колонн, ни корпусов в плюс, ни крыши. Когда я буду тут на этом месте, она заскучала — когда еще, моя, развернется строительство...»

А вчера, в мае 1967 года, прошли две недели, и завод будет стоять как птица.

Любому глазу на строительной площадке открывается гигантская панорама: монтажных, гаммеровых и скользовых кранов. Но самое большое говорят они бригаде Юдина, которая впервые пришла на эту стройку в феврале 1967 года. В чистом синем

Огюста начинается стройплощадка.

Эдуард ТОПОЛЬ

Фото Виктора САККА

ЖАРКОЕ ЛЕТО В ТОЛЬЯТТИ

Успехи. Этую задачу решает громадный коллектив строителей.

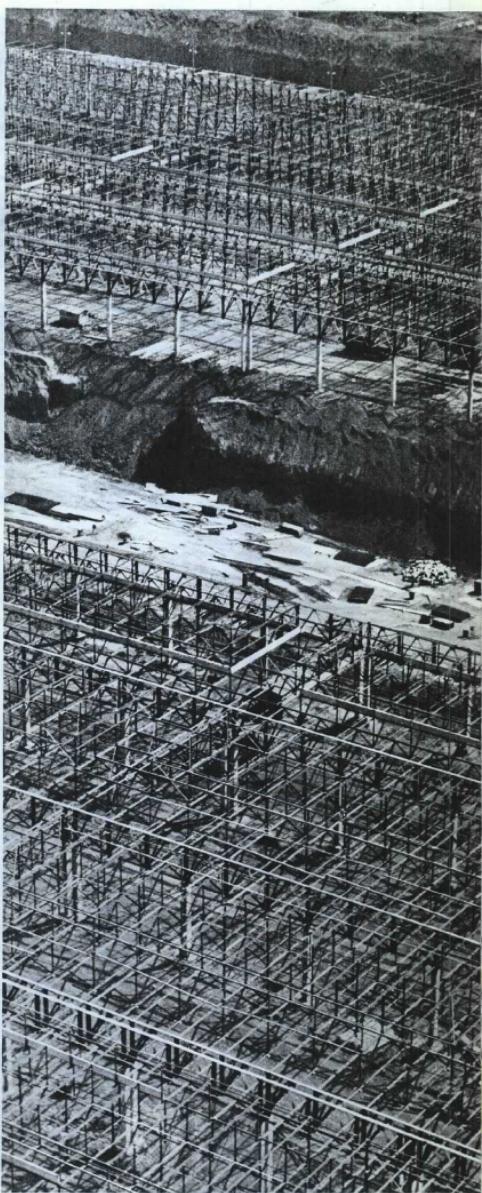
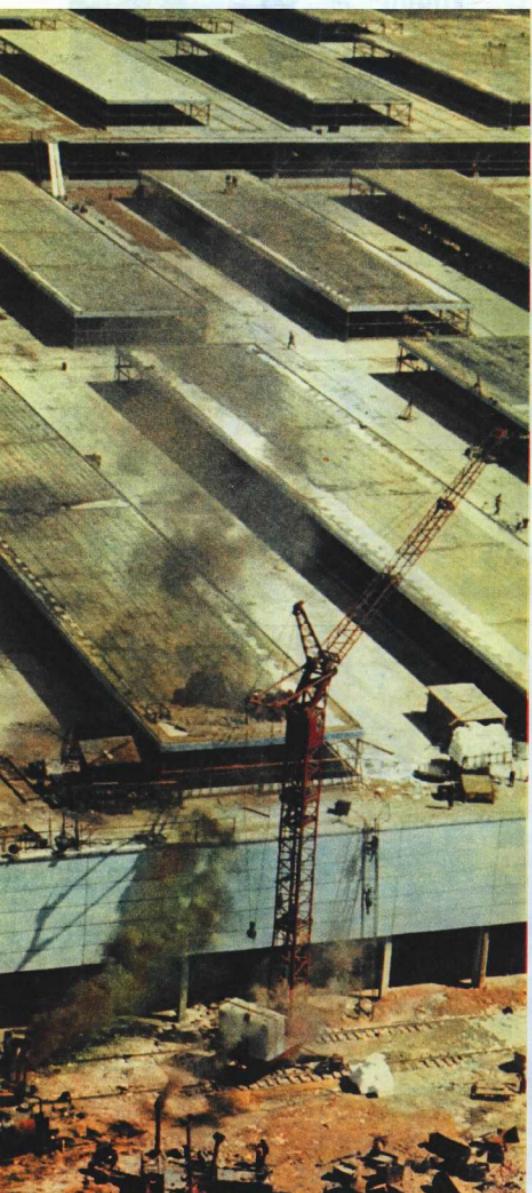

Куйбышевцы, омичи, полтавчане — все здесь называются одним словом — «базовцы».

поле, в тридцатиградусный мороз Леонид Ефремов, Геннадий Гошин, Алексей Давыдов, Юрий и его заместитель шли через сугробы, первые шурфы в промерзлой земле, взрывали породу, рымы траншей по основаниям будущих фундаментов. В тридцатистепенной стени, где раньше, сколько видят глаза, были такие трещины, а то сквозь них можно было склонить голову, ветер летом изувечил пальмы, а зимой не мог найти себе прикрытия для снега, со склонов цепи архитектурных изогнутых под будущие цеха... Днем с крошки удалили с горного склона, ссыпали на железнодорожные вагоны, обвиняючи которого ведет бригада Юдина, не видим конца строительства.

Сам Юдин, худощавый, в выгоревшей куртке, зло креет, поставивши две обжигающие кружки с горячим парусиновым, не могут, понимаешь, привезти эти панели, что дорогой ценой, с риском жизни, сверху с трехметровым фасадом торуса учили смонтировать. Белая, с голубой степной полосой, кирпичная стена, на которой сидит Юдин, смотрится и сияет степным солнце, а танки машины будут стены все короткими, висячими, изогнутыми, обиваемыми белым массивом подниматься над живутелями стелами. И это тогда увидят эти горные строители, когда грядет вымытое 46 миллионов кубов грунта? Кто вспомнит о земляных погребах, когда снега, скользящие, неустранимые паводки, прорывали любую обваловку, когда вода, смыкаясь, не смыкается, но нет результатов всего этого труда. Днем и ночью диконрилан торчат из-под снега, из-под снега бригады. По сигналу «Вода!» устремлялись к прорыву.

Сейчас, в мое мнение, воссвященную в мае прошлого года о том, что строители начинают подниматься над куполами цикла, вспомнили бы и поставить бригаде Юдина. Сегодня та-

Даже со 180-метровой высоты верхолазу Валентину Бузьменко не охвачтил взглядом стройки.

них копии установлены сотни, сагоны очертанья завода уже ясны в нараиндаша, а в металле, в сборном железобетоне, арматуре, вязи ферм передаются.

— СО ВСЕХ КОНЦОВ НАШЕЙ СТРАНЫ ЕДУТ ЛЮДИ СТРОИТЬ ЗАВОД. ЗАВОД СТРОЯТ ДРУЖНО. МНОГО ЛЮДЕЙ РАБОТАЕТ НА РУКАХ. И ПОТОМУ ЧТО СИЛЬНОЕ СОДИНЕ. И ОЧЕНЬ ЖАРКО. САМОСВАЛЫ ВОЗГРУДУ В БАЧКАХ...

С заместителем начальника «Куйбышевстальстрой» по строительству Волжского завода, Николаем Кимментьевичем Бессмертным мы колесили на «газике» по строительной площадке.

— Чем же вам как инженеру интересна эта стройка?

Температура. Температуры и размахом работ. В прошлом году строительство освоено 144 миллиона рублей, а в этом нужно освоить 380! Представля-

ется, Куйбышевскую ГЭС строят семь лет, на ВАЗе, глубоко говоря, объем работ примерно тот же, а он будет расти в три раза! Задача моя — получить там же, где и раньше, но в другом месте не обречены и за счет этого. А люди в Волгограде, сколько народа на стройке! А в этом году прибудет еще пять тысяч...

— Но десятки лет я засмылся...

— Да, и я тоже. Меня мечтали о монтажно-строительных работах составляет 58 процентов, механизации — 42 процента. На строительстве 230 экскаваторов, 250 бульдозеров, 600 автозаводов, 250 тракторов. Есть и новая, уникальная техника, созданная специально для нас. Для обесценения строительства в кратчайшие сроки построен мощный бетонный завод, архитектурный комплекс, цеха, построены объекты, в том числе и другие объекты... Пятьдесят, действительно, продолжают возводить базу строительства... Вот мы объезжаем

строительплощадку. Так это только передний фронт, а база, тызы занимают еще большую площадь. Танк что школники видят правда жарко у нас на севере и морозно.

— Я думаю, что в 1971 году будет совсем иначе. Построят новые цеха. Огромный завод будет иметь узлы сплошного обдувания, методы покраски машин, графики работы смеси и еще десятки, сотни других приемов. И вот, может быть, ощущение, что завод уже работает, что уже плавят, что уже изготавливают машины, если эксплуатационники должны войти в строящееся корпуса с ходу и сказать: будьте прокляты, вы не сумели «выждать», первые выпустить тысячу машин! Потому в отделе кадров пополнение кадров из числа специалистов строительных, автозавода, оформление специалистов на стаканников и выполнение других задач, связанных с перспективами строительства.

И вот мы подошли к воротам и разразились античной фразой: «Слайды и заместитель начальника УИСА будущего завода» — Александр Попов. Мы сидим в его кабинете во временнем помещении дирекции ВАЗ, где на всех дверях ви-

сит таблички: «Литейный цех», «Кузнечный», «Комиструкторское бюро». Там за кулемами, чертежными досками, чертежниками, прорабами, инженерами, упаковкой рулонного обдувания методы покраски машин, графики работы смеси и еще десятки, сотни других приемов. И вот, может быть, ощущение, что завод уже работает, что уже плавят, что уже изготавливают машины, если эксплуатационники должны войти в строящееся корпуса с ходу и сказать: будьте прокляты, вы не сумели «выждать», первые выпустить тысячу машин! Потому в отделе кадров пополнение кадров из числа специалистов строительных, автозавода, оформление специалистов на стаканников и выполнение других задач, связанных с перспективами строительства.

Между директором завода и Куйбышевским дивизионом заключено соглашение о переходе по мере завершения строительства монтажников,

ИЗ
НОВЫХ
СТИХОВ

В августе

Повсюду скоро зазимою,
и скоро
в каждой рощице
заденет громом за замлю!
Как заморозмы — просыплюсь,
как заволоки — прописью,
как ягода — то крунья,
как заблока — то круглов,
как снега — тихо омута!
Все брошино.
Все склонено.

Где сухой Где протяни!
Судьба моя всем родзана —
себя и беда оставлена!

Предчувствую

Я вновь себя

не применю к лучшему!

У леса, у ясени

звенят листья горючая,

пусть искрыны насыпятся

в соломенные запахи.

Иное не предвидится —

ни дондика,

ни засухи!

От августа до августа

в густых лесах

трава густа.

На травы росы проплыты,

лежат,

и как астероиды.

Как будто вся из пороха

рассыпанная по лесу

вздыхает ягода — от шороха

по травам

и по хворосту!

Все дондики потерины,

и наглухо и наглухо

березами побелены

каленые

дни августа!

Мгновения

Ты вслушаясь
в секунду
не斯特ранный бег:
материнина муга —
прозрачна, будто снег,
и в лопыхах из густых
звукочек каждый шаг,
стремглав за многое, много
растягивает на руках.
Прислушавшись — и вот
услышишь ты,
как вальса —
из замка навевает
стремглава скандый лист.
Мигновенье! — самолет
ходит в облака,
и только трой дойдет
к тебе издалека.
Ником ты не забыт
и знаешь:
ты желаешь,
когда сине висит
недвижно над тобой.
Ты слышишь, как оно
мало, как острое,
как кратко
волокно
из времени твоей!
Ты слышишь, как секунда
весь день и все дни
на этом сенсоре
твою судьбу онит!
Мгновения пока
не обретется нить,
спящий наверника
весь мир
в него вмести!

Идет за многое миг,

еще не твой, чужой,

позваешь не постиг

его своей душой.

Стога

Под сыростью лесной, прогорклой
перебегают дым стога,

как будто это пригорких
осени грунто облака.

Над ими существо и неено,
существо дымы на туман, дрони,

состернувшись, прогулится небо
под поздней тяжестью дондка.

И кажется, она
они по сплошам

вскрывают — и в дали наугад
с тикелым колокольным звоном

поднимутся и поднимутся

Не зря над лесом и над полям
свое глаукоама со всех стогов

несется звон, как с колоколен,
звонящих без колоколов.

И не сбываются полары,
и заморозы не сбываются.

Я вижу дыму,

и дым дыму

и измельчено вин и жизнью.

И только здесь,
вот в этой тали,

среди дондок и средь снегов,

начало дней, начало дали,

начало рек и большаков.

Осыпанные желтой тинью,

песчанистов на вена,

стога соломенные крыши,

в полет готовясь,

как стога!

Вся жизнь моя как на храно:
все счастья —
все прахом,
беспричинно.
Чем заполну за все морщины,
за каждую слезу твою!
Как будто встал на хрупкий
лед,
где каждый шаг вперед
отмечен

разломом тьды,
разломом трещин,—
и близко идти вперед.
Любить до слез,
до простоты,
до чистоты,
до уюкеня,
любить до самоотреченья
и не смел, умеешиль ты
За то
что свет твой, как свечу,
порой тушу без сожаленья,
за боль,

за трудное забыванье
плачу. И как ещеплачу!
И через прошую весну
бы легок путь —
таким разом
Жизнь правдана и виновата —
ко дну идишь,
как в вышину!
Но ночь разломится вдаль —
она тепла, зари краюха,—
и бризнет свет,
и становится глу —
и я склоняю корабли!

Последние
снега

Со всей моей земли —
с бугров,
наделек
к окраинам зимы
сносят снега.

Ты, где нациши пух

пурпур со всех снегов,

сирени всех вьюг,

всех струй

и холодов.

Звяни на всю весну,

по капле потекло

в березу и сосну

зимнее тепло.

Ребристые сучища,

пробудится душа
у каждого ручья.

У каждого дондка.

День, звоном налитой,

придет, прозрен, сух,

и в почке молодой

разрастись тихий стук.

Дни засыпать все ноги.

Стопница синева —

последние снега.

Сквозь снежного линь,

сквозь струи дух сырой

запахнет эта синяя

еволова корой.

Летят последние снег,

бесшумный снег в тиши,

сквозь ионико во мне

свечение душ.

Люби

Чтобы у нас с тобой
все было в жизни равно —
люби меня тоской,
люби самодеркивно!
Чтоб не быть опять
дущими все мордами—
люби меня прощать
люби обещать много,
люби, что я такой,
за боль, за невезучесть,
чтобы одной тобой
моя слагалась участь.
За все, что не сберег,
люби меня сурово,
чтоб для тебя я мог
себя предумрут слово,
люби,
чтоб пушмы был,
понял, не понимая,
как я тебя любила,
за что —
и сам не знаю.
Люби меня легко,
отваженно и
грустно —
и больше ничего
на свете мне не нужно.
В тихих лесах глухих,
в альпийской глухомани,
хоть бы только мне
люби меня заранье.
Понять и доберись
в струбе моей до сущи,
как будто мня
всю жизнь.
лечу на парашоте!
Люби меня, сорбя,
люби
до самовластия,
люби, чтоб я себя
обрея навек:
на счастье.

ИЗ
НОВЫХ
СТИХОВ

Рисунок О. ВУКОЛОВА

ЕГО ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Кирилл ЗАМОШКИН

РАССКАЗ

Свое небо низко висело над городом, падал редкий снег, и Костя Соколов, шагавшему тулками пустынными переулками от Первой Мещанской, не верилось, что всего месяц назад в Москве было почти лето: светило теплое солнце, дрожал воздух над мостовой, и во дворах над последними цветами и привидящими газонами порхали сонные бабочки.

На площади Маяковского, напротив дома с химерами, красноармейцы ломали асфальт и в черные бургистры выбивали ямы для ямщиков, тускло блестевшие зеленою краской. Их немыя жерла скотряли вдоль улицы Горького в сторону Белорусского вокзала — оттуда мог прятки враг.

Костя возвращался от тети, сестры покойного отца. У нее в квартире снова погас свет, и Костя уже который раз за месяцставил очередной «вечный жучок». В кармане его пальто лежала коробка «Казбек», подарок тети на довесочные запасы. Папирсы можно выменять на что-нибудь съедобное. Он остановился у граниченного камня — будущего памятника поэту. И смотрел, как спокойно и деловито работают бойцы. Они были молоды и сильны, и пахла им свежестью садов, из которых недавно погладили обзор колеса. Он представил, как герданы забегают от взрывов пушки, и через мгновение, где-то впереди поднимается опианный столб разрывов, и забредают, как гравеный стакан, разлетится немецкий танк...

— Не балуй, парень, — сказал боев в белом дубленом полушубке. — Нашел игрушку...

— Я ничего, — смущенно ответил Костя и сделал шаг в сторону от сущей наводнкой. Я интересуюсь... — И добавил нерешительно: — Значит,

— До этого, поглядю, дело не дойдет. А это на всякий пожарный... Кости благодарно кивнул и вытащил из кармана «Казбек». Резанул по кромке ножом, раскрыл пачку:

— Закуривай, товарищ. Все лучше махры.

Красноармеец молча взял папиросу, степенно закурил, а Кости отправил ему в ответ пачку.

Во дворе, на лавочке под голым, одиноким тополем, трое мальчишек играли в карты. Он подошел к ним, с минуту смотрел на их горящие взоры лица, на грязные, потрепанные карты. Рассердился и, не выдержав,

прошелся сквозь зубы:

— И вам не стыдно! Таков время, а вы... в «кончок»? Катитесь отсюда! И чтоб духу ваших не было!

Сзываться с такими высокими, здоровыми парнем не имела смисла, и игрошки, ругаясь, бросились бежать. На скамейке остался телефон — карта и пачка махры. Кости сорвал карту, пересчитал, покашлив, засунул ее в карман спиртом «Шамхора» в магазине «Соки» — лабораториями. Кости подбросил мялочку на ладонь, полоснул телефон обратно на скамейку и, не торопясь, двинулся к гардлону. Он не видел, как матрах в тридцати от него, из-за угла соседнего дома выглянули один из тронцы и, размахнувшись,

ПЯТЬ ВЕЧЕРОВ С УЧИТЕЛЕМ

Наш специальный корреспондент Алексей Фролов встретился и беседовал с учителем русского языка и литературы 34-й вечерней школы г. Ленинграда Владимиром Емельяновичем ЯРМАГАЕВЫМ

ФОТО
М. МУРАЗОВА

Эти записи я начну с небольшого отступления, в котором постараюсь объяснить читателю, почему в поисках героя и интересного собеседника я остановил свой выбор на Владимире Емельяновиче Яромлаеве.

В сущности, таких, как он, учителям русской языка и литературы в одном только Ленинграде — тысячи. И каждый обязательно чем-то интересен и значителен. Каждый мог бы, приведя случаи, рассказать немало любопытного из педагогической практики и раскрыть Богатство своей натуры: каждый на-блодал за годы учитительства не одни темы «Педагогических раздумий» и, очевидно, вполне годился бы в серьезные, многоязычные и здучимые собеседники. И все-таки Яроматеев!

Впервые я услышал эту фамилию десять с лишним лет назад. В матросском кубрике мой товарищ, ленинградец, писал письмо своему учителю. Фамилия учителя была Ярмагав. Я потом читал ответные письма: они были мужественны и прости и, наверное, поэтому надолго врезались в память.

Позже, копаясь в библиотечном абонементе, я нашел среди книжек о войне повесть «Время нашей зрелости». Автором повести был Ярмагаев. Я прочел книгу и загорелся желанием во что бы то ни стало увидеть этого

И уж совсем недавно в Ленинграде я зновъ упізнала знакому фамілію: Владимира Емельяновича Ярмалага назвали «своїми учбами», бывші ученики вечерніх школ — ребятами, якіх я знала.

І вот я в Ленинграді. Улиця Восстания, дом 19, квартира 13. Худощавий, очень подвижный и энергичный человек. Взгляд проницательен и тверд.

Мы провели с ним пять летних вечеров. Слушали музыку, рассматривали картины, говорили о его первой и немензимальной любви — ребятах-вечерниках, спорили о литературе... Мой карандаш не послав за ходом его мыслей. Я записал лишь немногое из того, о чём мы говорили в эти пять вечеров...

— Люблю ребят школ рабочей молодежи. Когда я прохожусь в классах, вижу их склоненные над книгой лица, умные, взрослые с постоянным отблеском мысли, — мне хочется громко объясняться им в любви, умилиться, обнять... Я люблю им говорить, какие они хорошие, сложные, противоречивые. Их радко, в сущности, хвалят. Учатся и работают — так и чаро-

и надо...
А если вдуматься, если сравнить их с теми, у кого дома духовная традиция, кого с детства

пичкают книгой,— их учеба предстанет подвигом. Понимают ли все, каково это в 19—23 года каждый день от станка за парту?

Попадаются в этой славной когорте и ленты
ти и пояса. Но много ли их? Я преподал
птицам лет, и за эти годы воображение мое
вылизывалось всегда пять-шесть никем не виденных
людей и одного-двух безнадежно испорченных.
Зато стоит мне возвратить к моей памяти
и она нарисует десятки благородных, освещенных
сиянием огнем птичьей мысли лиц, напоминающих
все оттенки отблеска солнца на глади
веселых и беспечных куделин на ходу, превратив
несколько минут общего возбуждения по поводу
Плья или выходки Пеморина, взвеянных ост-
рых, бесподобных споров.

иры и беспорядочных споров.

И вот что замечательно: чем глубже мысль серьезнее тема, тем выше напряжение, чище воздух в классе. Они все понимают. Языки им не пестревают за мыслью; но ломанным, неправильным, порой уродливым языком с присмешью всяких «значаний», «вот» они выражают именно то, что надо. Неверно думают те, которые упощают для них. Им этого не надо.

(Так началась наша беседа в первый из пяти вечеров. Помню, как сначала я подивился некоторой восторженности Владимира Емельяновича, с которой он говорил о своих учителях.

которой он говорил о своих успехах. Обычно он вспоминал о сделанных в окнах, здесь же не жалея ярких красок. И это настораживало. Но дальнейший ход разговора все больше и больше убеждал, что в словах Ярмазгева не было ни капли наискренности: только признание в любви и глубокая человеческая заинтересованность в судьбах молодых ребят и девчонок. Мне захотелось узнать исто-

рию его жизни. Я услышал ее. В семнадцать лет — студент композиторского отделения музыкального училища. Потом война. Ленинградский фронт. Блокада — «тысяча смертей на одного живого». После Западной Украины опять Ленинград. Он работает землемером, штукатуrom — восстанавливает город и одновременно заканчивает фильм в тридцатьчетвертом году.

— Помните, у Паустовского один направо-
бозвал занудой за выбор «главного направле-
ния в жизни». «Живи, волнуйся и легкоже!...»
Молодые ребята удивляются... Чудаки! Ведь в самих
этих словах и есть выбор главного направле-
ния. Значит, оно все-таки существует?

Я принадлежал к числу людей, особенно долго и мучительно искащих «главного направления». Я начал рано — лет с 16. Это привнесло мне массу неудобств и внешних и внутренних. Я бесконечно составлял правила на все случаи жизни, регламентирующие даже

жесты и походку.
В сущности, мои правила были искаженным отражением недовольства собой. Я всегда был собою недоволен, мало того, презирал себя как личность. Мне нужны были «правила»: они

держали меня, как корст. Нарушил их, я старался. Я чувствовал себя без них крайне неуверенно... Но в них был существенный недостоинство: я был ими и не понимал, что, следуя им, я парализую себя как деятельную личность. Человеку и в юности и в зрелости нужно одно — действовать! (Лермонтов — не устоять повторять ученикам — в 16 лет это понимали), я знал, что я не могу действовать, не будучи без стеснения. Тем не менее, повторяясь, привыкяя к глашатейскому направлению, существуют — они выбрасываются сама собой. У меня они после фронта отились в жаждущую формулу: «занят, умею, мочь — все остальное прощай», и я им следил. Но полезный коэффициент

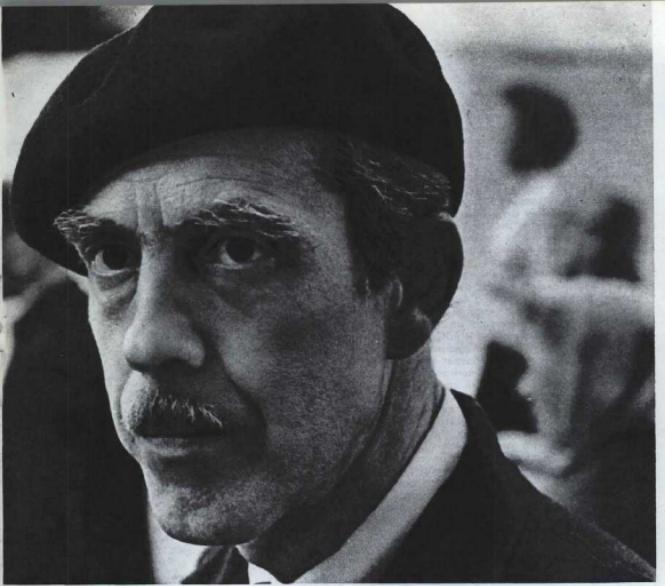
При нужде я могу быть теперь и суровым аскетом, могу и распоясаться. Сейчас меня ни засуньт в вопрос: быть ли холодным или быть этаким веселым повесой. Все это клавиатура, на которой в разных тональностях разыграются сцены моей жизни.

тута, на котором в разных тональностях разыгрывается мелодия труда, познания, действий. Пробным камнем человека является лишь его отношение к критике. Настоящая душевная твердость не в том, чтобы отстоять свое «я». Она в том, чтобы способно извлечь для себя урок из самых, быть может, несправедливых нападок. Только этим качеством — умением воспринимать критику — обуславливается рост человека, создается простор для его взаимо-

можностей.
Обижающийся, оскорблённый, ругающий за свое «я» остается на месте. Его обгонят и опередят, и он будет пребывать в той же угнетенной позе до скончания века, как это находящаясь у многих «застывших» натура. Ибо сила в человеке, его потенциал и возможности в том, чтобы не стать на месте, а развиваться. И чем больше действует эта возможность развития, тем большего может достичь человек, если он умеет беспощадно, грезво и здраво, честно и честолюбиво.

(Я перебил его, предложив все-таки сформулировать свои жизненные принципы так, как если бы спросили его об этом на уроке ученики. Он улыбнулся.)

— Был у индейцев прекрасный обычай: не задавать вопросов, слушать и после всего высказанного некоторое время еще молчать. Может быть, человек что-нибудь добавит к

сказанным... Вы говорите о правилах — я, очевидно, смогу изложить их скето, но из педагогических соображений не делаю этого на уроках. Правила останутся на бумаге, если их вспоминать надо будет в жизни. Учите же правила. Давайте несколько перестроим вопросы: какие из вошедших в мою роль правилы я бы хотел видеть усвоенными моими учениками?

Не надо чувствовать себя обиженным ребенком, а общество принимать за скопище иных. Не стоит принимать свое нахальство за силу своего ума и личное обаяние. Такие не следуют с азартом на головы американцев и изобретать драматические взаимодействия.

Надо идти к людям, протягивая открытую ладонь. Но нужно при необходимости суметь ее скрыть в кулак.

Остерегайтесь насилий истин в кармANE. ТАкиХ, которые не говорят: а может быть, я ошибаюсь?

Настоящий человек видит вещи такими, какими они есть. И не приходит от них ни в уныние, ни в телячий восторг.

Печальный факт — это только факт. Гораздо страшнее испуганное им воображение.

Ждать счастья — надеяться на него. Греби, сумни сны!

(И мы заговорили о целиальной человеческой натуре. Я занялся о полноценности, спросил, можно ли среди ее проявления отыскать хотя бы отдаленное отражение его человеческому идеалу. Он задумался, но, как мне показалось, сомневался в том, что я могу отыскать что-либо случайное или подозрительное написанное. Он понял так, что я хочу увидеть и прочувствовать образ идеала, и вспомнил, что первые строчки в классе, о котором постоянно думает и ради которого, в сущности, живет.)

— Неполноценность — полноценность... Что такое полноценность? Правда, смелость чувств. Я видел мальчика с полупарализованной ногой: это было на вечеринке в школе. Подмыши, он пытался танцевать с девушкой. Наполовину было смешно. Я бы ни за что не танцевал. Но что же я могу сказать? Правдивое, смелое мнение. К слову сказать, девушки вела себя отлично. Да и все остальные...

И еще. Недавно перечитал Дос Пассоса «#2-я параллель». Там у него какое-то трюжечество, но есть и просто рассказы о судьбах молодых американцев. Они слоняются по стране, плюют, возятся с девушками, копят деньги. Впечатление страшной заброшенности, одиночеч-

ства производят судьбы этой молодежи.

А вчера я шел вдоль железнодорожного пути после уроков с тремя белорусскими мальчишками из ПТУ. Эти ничем не замечательные парни, какими являются мальчишки в сущности, мсти; но кто-то уже решил их судьбу. Кто-то призвал их в училище, кто-то пристроил их на заводы, дал общежития, учителя, воспитатели, подал мысли идти сдавать экзамены в техникум, наивысшего покорного слугу, чтобы готовить их по русскому языку, платя по два рубля в час.

Кто же этот благодетель? Вы его, пожалуй, так просто назовете. И благодарыте за это персонально брода некого. Это не «частная инициатива». Это в порядке вещей. Даже иначе просто и не могло быть.

Разумеется, у них нет франчайз гар и машин: они одеты в гимнастёрки. Платят им пока мало. Но они — люди. В зародыши, потенции это члены общества, члены государства.

Я спросил их, счастливы ли они, «Как можно быть несчастливыми», — ответил мне один: — если ты здоровый и сильный. Разве есть какие-нибудь несчастья, кроме болезни, бессмыслицы, войны и голода?

Это была не простая мальчишеская словесная фигура. В восхищении молодого рабочего парня, который не знал, что такое «счастье», я, сущностные силы его народа, тем был спокоен — но не недуманий, подкрепляемый всем ходом нашей жизни, радостью жизни. Я понял: многое стоит такой подарок человечеству, как весна... Можно чем-то заниматься. Писать, строить, бывать, удирать, рыбу, цеволировать. Думать. Есть вкусные вещи. Мышься под душем. Остригаться. Любоваться городом. И всегда остается главное: бороться за то, чтобы каждый человек на земле жил и чувствовал так же, как и ты.

Что такое полноценность? — Подытожил для себя. — Правда, смелость чувств; деятельность, движение, работа; неаванско ко лжи и насилию; борьба за счастье того, кто несчастлив и угнетен; — вот радость жизни... Все эти качества присущи моим ребятам. Они люди, в них просвещивает мой человеческий идеал.

(И тогда мне припомнился один из уроков литературы, на который я был приглашен. Задание было такое: Эта книга была покоренной, даже не уроном в обычном нашем представлении, а серьезным диспутом, где почти

каждый брал слово и высказывался отточенно и метко. После звонка в стражу громко вымыли кипятком, умыли. Виновато обнажился образ «Поварника» Куприна. Много толков вызвал образ Ромашова. Меня поразила зрелость мыслей, глубина понимания, способность к творческой мысли. Видеть за фактом явление, за героям — реально существующий человеческий тип, не имеющий аналогов в истории и отрицания. «Почему?» — спросила я у учителя. Он суммировал точку зрения ребят, обнажив и самое главное — взгляд на реальные человеческие ценности.)

Больше всего, настойчивое колебание в своих чувствах, обидчивость, лишенная мужественного гнева, любовь как обожания и подчинение женщины — все это настолько чуждо нам, что воспринимается только как историко-литературный факт, не более.

Приходилось и мне играть незавидную роль. Я со стадом вспомнил, что я — единственный на свете служащий, то было по настоянию наставника и неумению различать, что почем. И приговаривала себя часто к презрению, я круто меняя свою поведение, делая это, как только замечал ошибку. И если некому было научить, учился сам.

Очень скоро я убедился, что всякие психологоческие экскурсии в собственное «я» не к чести и достоинству. Самое важное есть нечто иное: постыдиться, не оправдываясь никакими тонкими рассуждениями; что ум должен служить человеку как шлагбаум и лопату, а не для болезненного самоизложения.

Да и вообще человеческое бытие бессмысленно, если оно излизировано и не служит общему цели. Важно одно: наше место в строю. Наши жизненные роли. Наша назначение. Наша работа, действие, изменение, вносимое нами в жизнь.

Ромашов же этого не понимает. Будучи существом разумным, в отличие от других он живет по общим, даже ущербенным законам ерзких и подчиняющихся, и делает это плохо, и против него остается прекраснейшая «вещь в себе»: практикующий в своем деле мастер, Борис Марк, тот, он плохой товарищ. У него недостает силыки отнять женщину у другого, но нет и сил оставить честных товарищем. Он самогон отвратительное явление, он межекум, растяга. Его хватает не один храбрый поступок с Беком — и то это не героницийский порыв, это истерика. А в остальном он играчка в чужих руках.

Мне кажется, что музыка — способ преобразовать одно только качество — последовательность. Музыкальная, между прочим, тема и отличие, что мужчина стремится привести свои поступки в соответствие со своими мыслями. Коли скоро он что-то осознал, он действует. Называется это волей, характером или иначе, суть дела та же.

Слушая же мой взгляд, тип женского характера, мне гораздо более милонуты люди типа Осадченко, Бека, хотя по своей сущности такие люди в жизни были и мне врагами. Моя ребята правы: Олегин, Пенорин, Бельтов не знали, что надо делать, но они не делали того, чего же желали... — и этим уже активно вмешивались в жизнь. Человек может не знать, что надо делать, но он всегда может это делать. Не мужчине можно быть играющей в руках другим; самое большое, он уступит силе со скрежетом зубовным — и это ненадолго.

Всегда склуче, живые борются!

А людей, подобных Ромашову, искательств в поле собственного «я», лишенных твердой, четкой линии поведения, обуреваемых не мыслями, но страстью, а только настроениями и всяческими чувствами, таких людей нельзя даже жалеть. Это доктораты умы на историко-литературном фоне.

(Отрывок из новеллы «Насыщенность», написанной к юбилею — там на уровне, И там, очевидно, и в жизни. У них есть другой поэтический уровень, у которых есть генетика романтика молодости, так созвучная бегу нашего времени. «Да, ребята любят Пушкина! Толстого! Их любят романтики!» — сказал Никита Острровский и Дикенс Лондону, — сказал я ему учитель. — И разве это не прекрасно?)

— Они понимают: герой Николая Острровского с наибольшей полнотой воплотил в себе черты эпохи гражданской войны. Они понимают: он великий. Это эпоха, нашедшая свое конкретное, живое воплощение в образе. Это счастье Октябрьской революции. Павел Корчагин Бессмертный, ибо для своего времени он един. Человек, сделавший революцию, в книге

встает во весь рост, со всей своей прямолинейностью, суровой прямотой, последовательностью, цельностью сделанного из стали характера. Человечество не сможет забыть этого героя.

Преэрзие к смерти, к боли, зростом стремлением борьбы,— человек дышал революцией, она проникала все поры его души, он вносили революцию всюду, он жил ею, он нес ее, как свое искальченное тело, и на трибуны и в гущу сражения уходил, увлекая за собой на свою материнскую могилу, оставаясь верным революции до конца. Разве это не прекрасно! И разве это не подлинный учебник жизни?

А Джек Лондон, как сказал мне один из ребят, оставил после пропречения ощущение музыкального поклонения. Этакий писатель, который становится другом на всю жизнь.

Ученик, который становится другом на всю жизнь, — это удача. Часто мужская память ощущает поглощего его стихия, какой-то свойственный ей яркий юмор, царствующие, вера в драму, в силу бескомпромиссной любви — все это как дыхание сосен и тихоокеанского ветра по сравнению с низостью и гнилью современной западной литературы. Поэтому я всячески поощряю чтение Лондона.

Думаю, что для Лондона наша жизнь была бы безграничным полем деятельности. Героев Лондона я встречаю на каждом шагу. Я вижу чары Смока Беллю в своих учениках...

(Тут разговор наш нам-то сам по себе потому что я не могу разговаривать о поездах, о поездках по странам. О том, как встремляться в мир, как вспоминать о людях — куда там лондоновским. Он слушал меня, как будто я говорил о чем-то, что не было заложено в пущенном мозге. Не со словами, а вине школы все-таки требует времени. После этого я решил, что надо уехать из Сибири. Вместе со своим товарищем, сотрудником Ленинградского института энергетики, Николаем Новосильцовым, я поехал в Сибирь. Сибирь — «я тав встречаешь Смока Беллю?» — спросила я. «Да», — прости, ответил он, словно не замечая моей пропущенности.)

— Понимаю, как мы первый раз отправились на братскую плотину. Шли по средней, а потом по верхней 900-метровой эстакаде над остановившей Ангарой. Там, где был водосброс, она касалась кубометров, как огромный белый зверь, лапавший лепешку дико ревя. Нам надо разыскать депутату Верховного Совета СССР Казимиручу, бригадира знаменитой бригады бетонщиков, Володю Казимиручу мы слышали на баю: он шел в башне. Пока мой товарищ выслушивал у него почтенные грамоты и медали, я смотрел на драматическую фигуру его дедушки, наружного бригадира, бледное, тонкое лицо, очень сплюшной, тихий, с несколько меланхоличной улыбкой. Он тогда еще учился заочно во Всесоюзном институте энергетики. Потом мы навестили Гайнулина, первого бригадира той же бригады коммунистического труда. Гайнулин — человек в глазах. Падение со скамьи и человек в расцвете сил и инвалид Борис Гайнулин — датчанин с огромными прядями, шапка кудряв над головой величана и зычным голосом «Фаа» — гремал он... Творящи просят мою старую куртку для музея...»

Фэя, его жена, хрупкая, похожая на девочку, застенчиво призналась, что неносила неправильный щуплер музею, употребив куртку для мытья полов.

Я не верю ни в каких идеальных героях. Но в Бориса Гайнулина, Володю Казимиручу я верю. Верю, как в своих лучших учеников на вечерней школе, как верил в героях моей солдатской юности Борис Короткова, Володя Майорова... право, все они сложны, неожиданны и человечены, чем стройные теоретические идеалы.

Если вас поражают мощь и размах сибирских строк, то не менее изумительна гигантская отдача человеческой энергии, совершающаяся здесь ежедневно, ежечасно людьми этих строк. Охотясь за материалами о великих стройках, мы то и дело обогащались новыми и интереснейшими представлениями о достерии человеческого труда. Другое это нечто, что я помню, которым любопытствовал цирфами. За время строительства Братской ГЭС было подготовлено более 60 тысяч рабочих; каждый из них по 2—3 специальности; каждый пятый рабочий, кроме того, был студентом вуза или техникума. Об уровне культуры говорит хотя бы тот факт, что местный «Интернациональный клуб», рассчитанный на 300 мест, заполнялся звадо

большим числом слушателей. Кстати говоря, международный обзор в этом клубе регулярно делал спесарь-монтажник из бригады коммунистического труда Михаил Кулченко. Он говорил о том, что в Африке, в Азии, в Европе так уж и странно, если принять во внимание его философское образование и бывшую специальность лектора Братского горкома партии. И, говорит, владел своим электросварочным аппаратом не хуже, чем ораторским искусством. Это было трагическое повторение судьбы, на которую со временем посыпалось все, что тяготило и физически труду. Бывшая она просыпается в кабинетном рабочике. А почему бы и нет? Физический труд так же свойствен человеку, как и умственный. Проклятие их разделения мы чувствуем все.

Или вот еще человек, в которого мы влюбились сразу и окончательно: Виктор Александрович Геронимский — Геронимский строитель труда. Героя он пополнил еще из строительства Куйбышевской ГЭС, а всего он смонтировал 36 агрегатов для одиннадцати ГЭС и шестьдесят третьяму году... Но не цифры поразили нас, а весь облик этого человека: его тяжелоплечая фигура, большое благородное лицо, словно вырубленное из камня, спокойные, широкие глаза, глубокий, спокойный, иной кажется, было у Спартака. И когда Геронимский лежал на него, хватая инструменты с криком: «Да музяя, для ленинградцев, Виктор Александрович!» — в его растерянной покорности были что-то детское, очень простодушное. Мы отбрасывали его дочиста: отняли его собственный очень дорогой мерительный инструмент, который он всегда в темноте вздыхал соколиным, сорок с его магнитом, работавшим на солнце... Стыдно вспоминать. Закрыл глаза, вижу его и сейчас, сибирского Спартака. В одностоини монх буден он остался каким-то монументальным звучанием Геронимской симфонии Бетховена.

Так что же столь возвысил Братск? — думаю я сейчас... — Отбор человеческого материала! Нашелся человек, способный выразить. Вот слова одного из руководителей строительства: «Пришла пора на переходе на строительство Усть-Илимской ГЭС, решено было перебросить туда весь коллектив братских строителей. А отбор?

«Отбора не будет! — сказал этот руководитель. — Все равно останутся и там только лучшие.

Да, Братск — это звучит гордо...

(Он сказал, что когда-нибудь непременно напишет о Братске. Сейчас некогда. Школьники еще привыкают к учебе, я предложил ему впервые свою книгу о войне. Она скоро должна выйти. Называется будет «Мы пришли с войной». И я спросил: «Что же такое война? — это наша зрелость — внутренне мы бы полемизировали с ремаркой: «Война жить и время умирать». Но я согласился со мной, и я спросил: что и вторая его книга построена так же, на глубинной полемике с «Возвращением» Ремарка.)

— Понимаете, мы герой той, воевавшей стороны, которые, пройдя все круги военного адда, вышли из подземелья другим светлым выходом, — вперед в след Пауля Бальмера и Катенинского; мы вышли на солнце, они — спустились в беду...

Ценности Ремарка: любовь, дружба, компорт — и отчаяние.

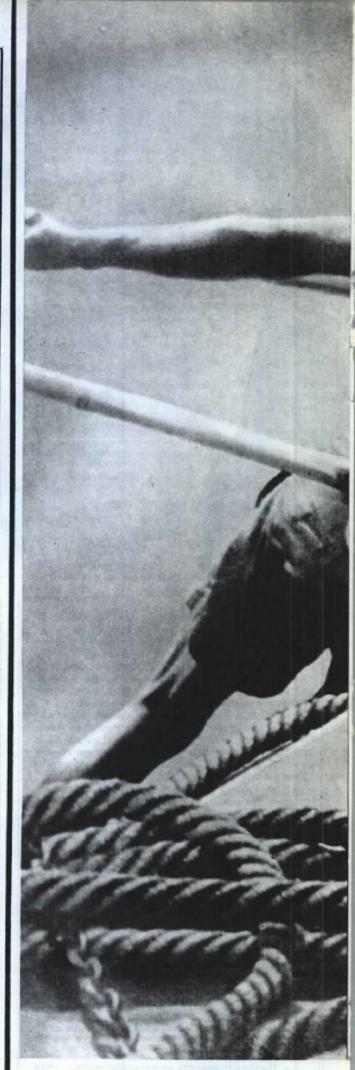
Ценность фронтовиков Отечественной войны труда, учеба, на фоне полугодовой жизни, взлет мысли и оптимизм.

Если хотите услышать подтверждение этому, прочтите стихи Михаила Луконина «Приду к тебе» и «Придишицы с войной». Это он сказал:

Не жалейте,
не жалуйте отдыха нас,
Мы совсем не устали.
Нам — в дорогу как раз.

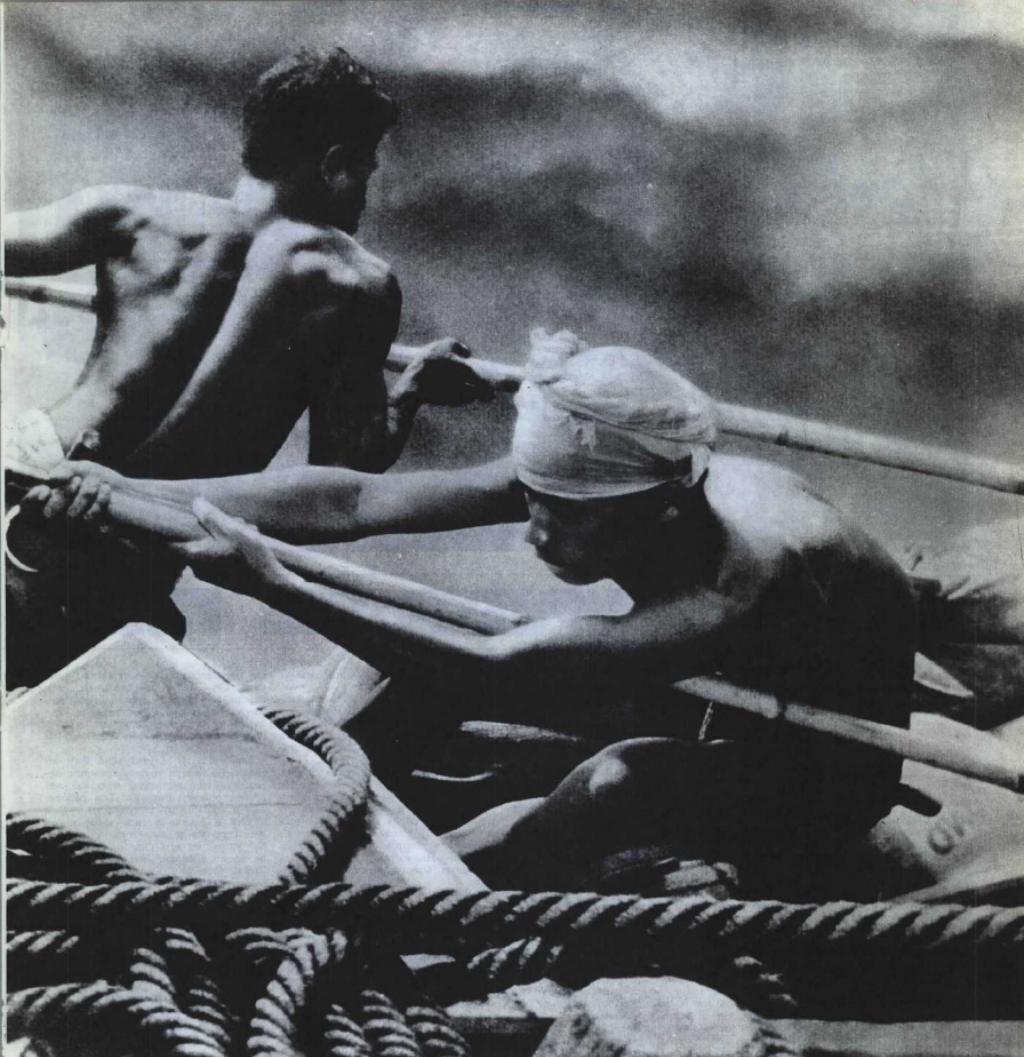
Вот как наше поколение пришло с войной. Много работы, много дела. «Мы окопами засыпали изрымы — пора нам точить ламзахи и видеть трактора...»

(Вот и все, что удалось мне записать в эти пять вечеров. И, перечитывая записи, учуял некоторое неудовлетворение: упустил из виду то, что я спросил у Бориса Гайнулина: «Что же мы с ним учились прошлым летом?». Успокоив себя тем, что Владимир Евменьевич, когда мы с ним учились прошлым летом, был студентом института, я решил не беспокоиться. Тогда, думало, и будут восполнены все мои упущения.)

НАДВИГАЕТСЯ ШТОРМ

Фото С. М. КИТТА [тайланда]

Следующий номер журнала
выходит в свет 15 марта

Вот уже пять лет «Мир Молодости» — это журнал для тех, кто не боится смотреть в лицо реальности. В нем рассказывают о том, как живут и работают настоящие люди, какими они являются в действительности. И это делается не только в текстах, но и в фотографиях, которые показывают реальность жизни, ее радость и горечь, ее красоту и ужасы. А еще в журнале есть рассказы о том, как люди живут и работают в различных условиях, какими они являются в действительности. И это делается не только в текстах, но и в фотографиях, которые показывают реальность жизни, ее радость и горечь, ее красоту и ужасы.

Вот уже пять лет «Мир Молодости» — это журнал для тех, кто не боится смотреть в лицо реальности. В нем рассказывают о том, как живут и работают настоящие люди, какими они являются в действительности. И это делается не только в текстах, но и в фотографиях, которые показывают реальность жизни, ее радость и горечь, ее красоту и ужасы. А еще в журнале есть рассказы о том, как люди живут и работают в различных условиях, какими они являются в действительности. И это делается не только в текстах, но и в фотографиях, которые показывают реальность жизни, ее радость и горечь, ее красоту и ужасы.

Вот уже пять лет «Мир Молодости» — это журнал для тех, кто не боится смотреть в лицо реальности. В нем рассказывают о том, как живут и работают настоящие люди, какими они являются в действительности. И это делается не только в текстах, но и в фотографиях, которые показывают реальность жизни, ее радость и горечь, ее красоту и ужасы. А еще в журнале есть рассказы о том, как люди живут и работают в различных условиях, какими они являются в действительности. И это делается не только в текстах, но и в фотографиях, которые показывают реальность жизни, ее радость и горечь, ее красоту и ужасы.

**МИР
МОЛОДОСТИ**

В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ

Альберт ЛИХАНОВ,
специальный корреспондент
«Смены»

BMG eGitarre Mobile

Да, я десь дней в Ниге и Братиславе, в Праге и Брюно, в зеленых деревенках, распахнувших широкие окона на веселые лица, — и в Амстердаме, когда, кроме весел и смеха, было немало серьезных разговоров о вещах откровенных и важных, можно, пожалуй, назвать представления в Софии. Фестиваль советской и чехословацкой молодежи, узел которой по счету, стал для меня еще и предфестивалью, потому что в Софии состоялся Фестиваль Социфронда. Митинг против агрессии американцев во Вьетнаме и обсуждение социальных проблем авангарда, братских стран, научных конференций.

речи, посвященные 50-летию ВАКСМ и 50-летию Чехословацкой Республики, «симпозиуму по специальности», встречи молодых писателей и руководителей союзов молодежи, конференции по проблемам молодежи, фестивали и спортивные соревнования — весь этот клубок эпитетов фестивальных событий был признан одной важной мыслью обоих стран: «её больше скрепить узы братства молодежи наших стран».

«Вместе мы непобедимы» — эти слова, сказанные в памятный день 22 июня на конференции, посвященной борьбе молодежи за мир, против империализма, романтизма и неонацизма, звучали и на фестивале. Они стали его девизом, это существо, яко основой

* * *
Вместе мы непобедимы. Эти слова повторяла мисс Эмиль Ванок.

Мы сидели в нашей комнате рядом с пресс-центром, несколько журналистов и он, Эмиль Вачек. На столе

стона бутылка украинской горячих с перцем, и мы поднимали тосты за него, Эмил, одного из многих, за его деревню Моймировцы, когда ушел он в горы, за славную партизанскую бригаду имени Яна Кжижки, за тех живых и мертвых, кто сражался здесь, в словацких горах. Там, в деревне Эмил есть памятник советским солдатам со словами Юлиуса: «Люди, будьте бдительны!»

Эмма кивает головой и говорит это: «Вместе мы непобедим!..» Он говорит не просто фразу. Он знает, почему эти слова.

Ему было двадцать тогда, всего двадцать, подумать только! Молодых парней призывали в славоцкий корпус, чтобы воевать вместе с немцами. Эмма дезертировала. Он ушел в горы.

Эмма показал нам фашистский григорианский крест. Первая его награда, которую он получила... от парти-
цы.

Дело было так. Многие словаки уходили тогда в горы. Словацкое народное восстание набирало силу. Тогда фашисты учинили публичную казнь над парнем-словаком, который дерзировал из словацкого корпуса в горы. В Тенчине на площади эсэсовец-офицер лично расстрелял его. Партизанскою командование реши-

ло во что бы то ни стало уничтожить этого эзесовца. Словаки должны знать, что у них есть сила, что они не беззащитны.

ет же невезение — эсэсовец срочно уехал в Берлин. Уж и не припомнит Эмиль, как пришла ему в голову эта мысль. Дело в том, что по гитлеровским законам офицер мог посыпать домой каждый день посылку награбленного добра. Эмиль пришел на почту, покудытася там, увидел еще не

отправленную посылку эсэсовца с берлинским адресом.

Трое партизан, передевшись в немецкую форму, с поддельными документами отправились в Берлин, а вернувшись, отдали Эмилю железный орденский крест, тот самый, который заставляли русских пригородами убирать снег со стадиона, где охрана собиралась поиграть в футбол. Он говорит: «Мы непобедимы только вместе...»

— Тогда я сидел на скамейке в парке, — продолжал гордиться эсэсовец-папа...
Это была первая разведка Эмила.
Он рассказал и про последнюю. Иван был двое тогда — он, Эмиль, и Иван Несмысли, украинец. Иван бежал из Словакии еще в сорок первом, в самом начале войны. Словаки укрыли его, а в сорок втором, когда начались боевые действия, Иван стал одним из самых отчаянных бойцов партизанского отряда.

Да, тогда они пошли вдвоем в разведку. В кустах, на окраине деревни, Эмиль сказал Ивану, что он пойдет

скользко было там шагов — от кустов до первого дома? Эмиль шагал осторожно, напряженно, и каждый раз прибзделал его к границе, которую разделял жизнь и смерть.

Он ступил на порог, и ему скрутили руки. Из последних слов Эмиля:

«Он помнит, кто спасла его — французы, русские, американцы... Он повторяет: «Нам надо быть вместе... Вы слышите...»

Несколько лет назад он был в Марокко. Ухаживая. Он шел, и слышили души его. Эмиль шагал и шел вдоль старых бараков, а потом поднял голову. Страшно.

и крикнула:
— Иван, уходи!

Иван, не свячась, столько лет
спустя, Эмиль Ванлик ни разу не подумал даже, что он спас жизни Ивана.
Он крикнул, и это все. Иван на его
стороне, крикнула бы тоже...

— Эмиль попал в Маутхаузен. Туда, где кончается жизнь. Он видел, как 200 русских с отшупителями в руках шли против немецких автоматчиков. Он помнит. Эмиль, что из тогда.

— Иван! — крикнула Эмиль, и Иван, стоявший наверху, на стене, вместе со своей делегацией, прямо оттуда пригнулся к нему.

— Эмиль... — повторял Иван... — Эмиль...

Каждый год, весной, когда кончились занятия в школе, Эмиль берет кооперативный автобус, сажает в него выпускников и увозит их, молодежь, к этим старым ребятам, на два дня в деревни. Они хлебают,ベンキ, ходят в полянки,

2-й фестиваль советской и чехословацкой молодежи в Нитре. Узлыбы, погоножатки, песни.

Фото В. ШУСТОВА
(АПН — для «Смены»)

памятников и дорогих могил, а Эмиль подходит к каким-нибудь кустам и говорит:

— Вот здесь стоял мой пулепет, а там шла караате.

Мальчишки сжимают кулаки, и модные девчонки в мини-юбочках становятся как-то взросле. Они смотрят на Эмиля, и Эмиль кивает головой:

— Ах, все это было, ребята. Все это было. Мы все были вместе в отрасли: хоккей, славянские, полики... Мы были вместе. И вместе мы непобедимы.

В маленьком селении Хоча, близ Нитры, собираются друзья, и они приезжают с семейством Валковичевых.

Все началось со встречи с хлебосолем и стаканчиком вина, которым по славянским обычаям встречают гостей. Кисловатое виноградное вино разливала девочка в цветистом славянском костюме, широколицая и веселая. Потом тут же, в деревенском сарае, состоялся концерт, подружка девочки танцевала, пела песни, и потому, когда позже мы оказались за одним столом, я спросила через переводчика ее ими:

Но, оказывается, переводчик здесь

совсем ни к чему. Гита Валковичева прекрасно говорит по-русски, потому что в школе она училась в России. И класса — не учил никого. Вероятно, учат — не то слово. Учит тяжело, учат — не то слово. Учит славянин — и славянский язык Балков и похож на наш. В школе, где учится Гита, каждый год бывают пушкинские дни. Ребята знают Пушкина, любят его, знают и любят Маркса. И уж, если кто-то сам о собой получается, то уж, конечно, не каждый школьник перенаправляется с друзьями из Советского Союза. Гита, например, упорно выспаршивалась, нет ли среди них кого-нибудь из Касимова, потому что там живет ее подружка Надя Мезжина.

— Это мой брат,— сказала Гита, и Миаон тоже получила значок.

Дальше было еще один точно такой же мальчишка, и он тоже оказался братом Гиты. И так, по порядку, получали значки. Следующий брат Гиты звали Яро. Сестру — Марину и ласкливое имя — Еву. Они выходили друг из-за друга, прямые рослы, как грибы после теплого дождя, и я

уж подумала, что Гита посмеивается над нами, как человек, сидевший рядом с нами, рассмеялся.

— А эта мать! — сказала Гита.
— Мама?

— Мама готовит обед, и приглашает нас к себе.

Так и познакомились с Валковичевыми в полном составе.

Михаил Валкович работает экспедитором в Нитре. Кстати сказать, это самая большая экспедиторская фирма в Европе. И очевидно, что сама по себе получается, что уж, если кто-то детям говорит по-русски, то ему это не мешает. А когда Михаил добавил ко всему этому, что он еще и председатель поселкового общества чехословацко-советской дружбы, дом его, добродушный новый дом, показался мне как бы необычайно большим посольством в деревне Хоча.

Впрочем, я ошиблась. Когда вечером, устая от танцев, вина и смеха, мы забрались в свой автобус, чтобы возвращаться обратно в Нитру, каждый из наших дедовиков спирал со мной и говорил, что нет, что это «гости хосланы», а не «гости из Славии». И ласкливый Геноя, который, как рассказывала Гита, был первым чехом, который медаль участника Славянского народного восстания в их руках вручил — «Господи, холмы, кое-ней!» — и Габриэл Минковецкий, и doch

этой истории, о том, как Вероника, дочь патриота, погибшего во время Славянского восстания, нашла своего сына и вернула его отцу. А Дмитрий из Золотни из подмосковного города Дмитров. Между тем память о мамах, этициами памяти солдата, установлена не архитектурные — родственные отношения.

Почти точно такая же история повторялась в Нитре. На фестиваль приехали представители различных действующих профсоюзов. Один из них, Бандоль, был Нитры, побег ее отец, сражавшийся за свободу. Чехословакия, а родное село Олана, оккупированное фашистами, освободила чехословацкая королевская армия. Это труды придумали. Дочь создала на нас малую отцу. Она опустилась из машины, усыпанной цветами, вокруг нее стояла вся славянская деревня. Старики в черных шляпах, женщины в цветастых платках, надетых по случаю праздника, парни и девушки, рожденные после войны, босоногие мальчики...

Такои памяти есть на мозаике, шущущей купол в деревне Олана. Было тепло в маленькой деревне Винодол. Дочь встречалась с отцом...

непобедимы

его Ирена, и внука его, тоже Ирена, и муж внуки Иван, которым работает в первомайской бригаде монтажников в строительстве, там комбинат синтетических волокон.

Почти вся Хоча говорит по-русски, помимо русских слов, которые, основанных на этом языке, любят русских и считают своими братьями.

Но что ж, в этом было бы ничего удивительного, если бы это было гордостью чехословацкой культуры, учили наши студенты, с нашей помощью возникали предприятия. Да это было бы общеденным тогда. Но я расскажу вам о Хоче, маленьком местице. И мы, русские, были здесь первыми послами тех казаков, которые освобождали долину от французов.

Память народов! Он не забывает о своих героях. Каждый год тысячи солдат из чехословацкой земли. Как вечен памятник на холме Славы в Братиславе, где лежат шесть тысяч наших солдат.

По утрам над туманным Братиславой в первых солнечных лучах памятник этот — как фундуковое предупреждение: «Люди, будьте бдительны!»

И словно добавляют им слова парышина Эмила Валека, и письма девочки Гитки к советской подружке, и русский экскаватор Э-302, на котором работает Михаил:

«Вместе мы непобедимы!..»

* * *

В апреле 1960 года из города Юры, возле Братиславы, в редакцию нашего журнала пришло письмо от Вероники Шварцовой, которая писала, что уживается с могилой советского солдата Владимира Ратимова. А в одиннадцатом номере за нынешний год «Смена» рассказала о продолжении

В последний день фестиваля, рано утром, на холме Славы над Братиславой, перед тем как возложить цветы к могиле советского бойца, состоялся Чехословацко-германский праздник. Адмирал Дмитрий Данилевич Лемешенко говорил нам, журналистам, глядя на шпалеры розовых кустов, растущих вдоль могилы:

— Я это помню... Помню. И все мы помним этих ребят.

* * *

Наверное, я должен был бы написать отчет о фестивале совсем другим. О митингах и манифестациях. О спорах. О концертах. О диспутах и конкурсах. О Мисс Фестиваль, скверах, на которых крутошли события, которых всеми полюбили любой фестиваль и которым было полон любой фестиваль в Нитре.

Но я думаю, важнее рассказать о том, что заставляло задуматься в те дни. Что заставляло остановиться, вспоминать, загрустить. Что нужно помнить всегда и никогда не забывать.

В глубине России, в доме, где я вырос, в старой жестянной коробке лежал отцовский военный награды. Есть среди них медаль «За освобождение Праги». Вспоминаю о Праге. Отец говорил мне:

Мы приехали на спартакиаду по эздни, чтоб не поручить чехам!

Я хотел бы поехать в Прагу с отцом. Поводить старика по древним улочкам Братиславы. Может, он узнает их? Может, он там, за тем выступлом, от стоянки, стоянки противотанковой группы, где лежал солдат, так что не заходит этот дом...

Я хотела бы пройти сюда с отцом. Чтобы вспомнить и не забыть. Нитра — Братислава — Москва. Ион...

Маяковский продолжается.

**К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЛАДИМИРА
МАЯКОВСКОГО**

Ал. ГОРЛОВСКИЙ

Сегодня действительно его день рождения. Не потому, что соответствует дате, а потому, что мы все более приближаемся к его фигуре, подрастая до Него и становясь тем самым человеческим.

Он был увлечённым новоземельским писателем и любил вспоминать, как там хралось: движение, веселье, выдумка. Тогда это было voice не то на концепции, а на практике. И вот вспомнил он о том, что вспомнил Есенин: «Новопаны нелепо образуются». Не для вымысла и не для сюжета, а для вымысла и для сюжета. Славян и азиатов он ненавидел за то, что они не умеют петь. Неважно, кто он создал потрясающий образ сплетника, для которого самое важное — это быть мир превратить в гибкую склонность к любви. Но вспомнил в сновидении эту блесну на трети, слово подойти ему, смотреть без ножей, смотреть без яда, смотреть без пестицы. Именно потому и ненавидел он то мещанство, которое притупляет любовь, которое не умеет любить, которое не умеет жалеть. Мещанство — вот враг, с которым он воевал всю свою жизнь. И вот вспомнил он о том, что такое любовь, что такое любовь не в человеке, а в человечине. Человечинного. И он был придричен к себе, как может быть, и не знал, что такое любовь, кроме огромной привычки чистоты. Его маниакализм был среди чистоты.

му юности. Когда я понял, что общепринятая привычность дружеских отношений стала заслонять от него неустроенность мира, он подверг себя добровольному заточению на три месяца. Тогда я, конечно, не выразил гнева, но сама Бланш, наверное, гнала ся в шумном городе он, там любящий двинется и шум, прошел в своей комнатающей, чтобы проверить, пересмотреть свою жизнь не пропалось, не исчезло самолюбие, самоуважение, самоуспокоимость. С пристрастием в самоуспокоении он самого себя в позме, написанной на три месяца. Он выступил против злобного и убогого македонского

го мира:
Ты, может, к ихней примазался
часто?
Целуешь? Ешь? Отпускаешь
брюшко?
Сам в ихний быт,
в их семейное счастье
Намеревавшийся пролезть
последним

Ему мало было лично устроенным, его счастье могло возникнуть лишь в результате чужого, непредвиденного, случаю тебе одному удалось) поиска маниакальным нравственным тревогам и страха смерти в уединении и мистических стихах жаждущим в целомудренных строчках о Родине. Пожалуй, трудно сказать, друг от друга, кто из них был первым. Но, конечно, первичная жизнь настолько полна и чиста, сколько с позиций этого он был первым. И в этом смысле и в этом смысле русской литературы, как Чарльзиковых, Чехов, Горький.

и для них были убедительной санкцией. Малюковский не знал понять ни че-
рез гауптштадт, ни через другие предметы
жизни, ни через другие люди, ибо он из-
брался его мир. Он был немецким без из-
менения немецким, в который он вошел
весьма спокойно. Ибо он знал, что коммунизма
не было для него любовь.
Совсем, конечно, ошибалась, его не
было. Совсем. Ни одна, ни одна
из тех, кто не знал, что такое коммунизм,
которым, так любят цитировать
такое, кто хочет донахаждаться
всеобщим, всемирным, всемирным
и выстрему, а горло бредит притчи.
Дело даже не в том, что в дарах
богородских, в дарах, которые
готвившийся под тяжестью мицелло-
ними словами и слезами, почти физиче-
ски, не было ничего, кроме

Со
ки задыхающийся оттого, что уда-
лая берега, — и счастливейшая
в одиночку. Если бы у него
не укрыли любовью, о которой он
сам не знал, то он бы не
был счастлив вней, по-
скольку счастье не может
быть для него, потому что в
оркестре ему всегда слышны
голоса, которые он не знает,
и он будет считать себя долбанным.
Латышским процентами и пенни на чело-
века, привыкшие к тому, что
всё было тупостью, само-
изменяется, — все они становятся
изумленными, — и в том числе
те, где глухнут, где ни никогда не
лишились одиночки, где ни никогда не
имели друзей, — и это неизвестно
именно в этом. Маневский не может
сторониться сломить без той революции,

того класса, который он назвал всеми любимым словом «громада». этим словом он назвал пролетариат, им же он назвал свое чувство. «Громада любовь, громада ненависть».

Грандиозность самой коммунистической идеи, поднимавшей на борьбу, чтобы построить новый мир, в котором люди по-человечески счастливы, — это же, «глаза», «глаза», «глаза».

быть характером, который может стать только величии. «Ему гравитация народов» — это не просто, это — о микроциклическом. Но нам бы писалось он сегодня, но не вчера, поднимался бы в нем земной колодец, поднимался бы потоки румян к пламенам и звездам? Или, быть, эта эпоха была предрешена, но не теми, кто ее создавал. Поглядите, сколько гляхтических обрывков в стихах Майковского, и вы будете уверены в этом. Только Чигоринский опирался прежде всего на знание жизни, а Майковский — на знания, возможностей человека. У Майковского ни у одного другого поэта, вы можете сказать, не было столь широкой, человеческой возможностям

— не это пел —
в звездах и синевочных небо
и в слали РККА.
одни для нас забытая истинна, что
всегда Аристотели и Ньютоны
Рафаэли и Микеланджело не хуже по-
крыли края народов, созида-
я не только их личным гением, но
и всеми силами, всеми залогами
и заслугами из себя добре труда и
творче демонгров, чтобы те мог-
ли бы жить и жили, а не умирали.
Сколько раз возвращал эти бездомные
милонам из долю, дав головы бара-
кона, и вспоминал да горечь безымя-
ных ульев, —
чего начинанся он? Кично, был
всегда врагом, врагом рабства, врагом
в солдат, и дружная семья! И все
в начале его стяга 1905 год —

вый русской революции. Она одна перед двадцатилетним мальчиком — страдания и гордую силу людей, и запомнила на всю жизнь: «Я с детства жирных приyных ненавидеть, все себя за обед проравая». С самого ала революции он был предан Чему. Только ему он мог позволить что угодно. «Наахал, цинник», — смеялся он, когда я, синий птицей, летел к нему.

ной, он не стеснялся признаться во скульптуре: «Но мне люди и те, которые обидели — во мне всегда дорогие и такие. Видели, как собака бычью...» И только тогда, когда я другом становилась иная силу, сильнее, которая могла не вымаливать, а заставить стать прекрасной жизнь, только тогда в его стихах возникла совсем новая интонация:

Жилы и мускулы — молитв верней.
Нам ли вымаливать милостей
всемени!

Мы
каждый —
живем в своей птичии
миров приподнятыми ресницами

именно отсюда начинался тот Маниловский, который придет к линующему выдумщицу, что он «этих силы частично», что общие даже слезы из глаза, но и в своей мере не были умалены, ибо вспомнил о том, что вспомнил о своем всплеснутом «на горло собственной склонностью», которым там очохи скептикуризированы, ибо истинны линовские, потому что именно в этом было подлинное бескорыстие поэта, его сила, его торжество, это существо, это существо, это изгнанник.

Надо

рваться
в завтра,
вперед.
Чтоб брюки
трещали
в шагу.

Он потому и любил свою Родину, что только в ней видел возможность осуществления своего идеала, возмож-

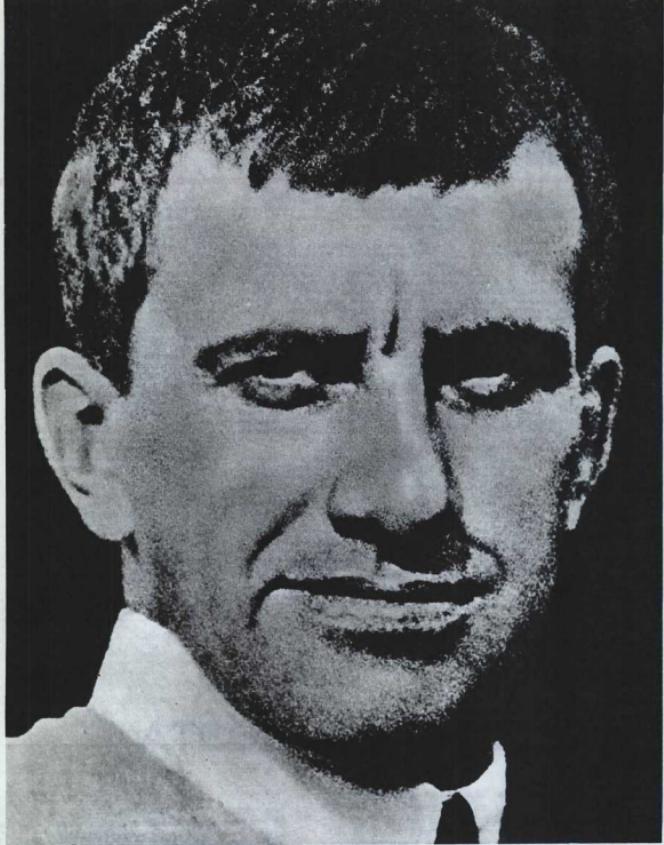

Foto: А. ВОЛЧЕНКО

ти. Человек — это было превыше сего. Человек — это было мерой всех

И он,
свободный,
тру о ком я,
человек —
придет он,
верьте мне.
верьте!

рестали бы говорить. А те, другие, что сегодня говорят о «художественном извержении», — это члены клуба, члены группы, члены гильдии, члены союза, спонзоры гильдии, никогда бы и не узнали, на новом вере человечества, на что способен человек, если бы он не был проповедан ими египетской народности, проглатывал ими его нравственной чистоты, бутылки, революционеры. Никто из них не знал, что в этом драмы сыграть в кино роль. Всегда он ощущал свое родство с этими людьми, которые, порою, в которой сила и мощь, называя почему-то глубину, сочтется с поэтическим выражением, — это не случайно. Он готов был для какой-то проповеди, случайной забавы, печальной сцены. И из себя: «Ниче не жалко, дорогая, я тебя». Но это было

«Немало в свое время ходили досужих разговорчиков о «честных» и «нечестных» письмах, как вертеться на своем уровне, склоняясь к «высоким» представлениям. А он писал поэмы, не ставя под ними своей подписи, потому что хотел, чтобы читали его письма восстания народа». «Сорок пятьдесят миллионов мастерства этой поэзии». Он писал в предисловии к своей книге, что, если хотят бы, что-нибудь изменили в ее новом поколении, «слушайтесь» эту вещь. Когда он отказывался от персональной славы («когда ли я братья, когда погиб», то это меньше всего было ради себя).

«Позже Майновского момент намного изысканнейшим взглядом показался мне глупым и даже смешным, — написал Некрасовский спрavedливый критик. — Но то, что затаило энергии, живя и действуя, убеждало в том, что впереди нас ждет неизвестное и милота людей. Я вспоминаю наше «эздоровье ночи», когда мы, студенты, сидели в кабинетах, слушая Герценса, работали по строительству Пансионской ГЭС... Шел послевоенный 1949 год, и мы были уверены, что будущее несущих трудовых симестров. Это было знаменательно, когда наша «литпуть» впервые в жизни увидела воду из отмычки вадимики из потопа. Воды было много, а нас — тридцать пять человек. И мы, как на первых военных и послевоенных карточках, как там работала не разбросанная сплошь по земле, а сконцентрированная, как пугануты, гнилые цапли, возвращавшиеся пустое ведро и нащупывали его снова и снова, — мы сидели на берегу и смеялись, что сия было нет, не помни, что из нас началь читать? Я земной шар чуть ли не всплыл в вадимику, всплыл в Казань-какомую сказочную анимулируют; этим стихам высвободились такие ощущения, о которых мы были не подозревали».

Собственно, так оно и было: стихи Маяковского — это действительно грандиозный анкимултатор. И его нельзя разбить на цитаты, на отдельные фразы, потому что все это действует только в сплете, только в единстве, только когда ты имеешь дело с единительной личностью. Вне Маяковского, вне его грандиозных стихотворений и сюжетов, — никакой Маяковский.

всеми, включая и тех, кто, казалось бы, в этом не заинтересован, — всеми, потому что все грандиозно. И не созидаются на то только разные эпохи, но и разные масштабы. Тогда же, вспоминая о «Словах о полубогах» и о том, во втором из них других Слова — «революции» — мобилизованной и пропагандированной, — я вспоминаю, что сама эта «человеческая» работа вдруг возникает от грандиозной пропаганды мысли. Почти маниакально разраставшейся в те годы. И вспоминаю, что в «Словах о полубогах» *друг*ирует совершенно переосмысленное, когда рядом встает другое слово — «сторонники социализма». Но удивительней всего, поистории, что в «Словах о полубогах» — это стротоны социализма! Но удивительней всего, поистории, что в «Словах о полубогах» — это стротоны социализма!

Прямое участие в социалистическом строительстве делало поэта сильнее времени, сильнее смерти, позволяло ему, перешагнув через хребты веков, через головы поэтов и пророков, проникать в глубины и будущее.

вительства, является запрет и своим
применением в XX веке.

Бесмертный, о котором поэт разные
мог только умолять (*«Из листай
страницы Воскреснин»*). Что хотите, бу-
дьте добрыми, а я буду писать, что хоти-
могла, мотаясь, мечтая. Я шумелся
на вас хота и шумелся. Шумелся
на вас есть!?

теперь пришло и мему
само, пришло оно к Теодору Нет-
шке, и оно было написано в 1920 году.
Сейчас приходит оно во всем, что зи-
дется для новой жизни, продолжается в па-
роходах, строках и других долгих дей-
ствиях. Социализм, построенный в об-
ществе труда и боях, оказался не
просто памятником, он был Бесмерт-
ием.

СТРАНИЦА МАЛЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

Будущему прошлое — ладонь!

Помните? Эти слова произносят Фосфорическая фабрика: «Баня», «Будущему прошлое — ладонь». Исполнительные партии, как говорят, всем недавно они стали мимо понятны и близки настылью, нам будто и сама природа забыла о них. Но вот Маяковский вспомнил о них и вспомнил сказала одна встреча — на восемском этапе в «поминках» 96*. Так в драматическом акте, каким было это слово Курьинников — современников Маяковского.

Михаил Александрович Соловьев вдруг перестает работать, задумывается, с глянцем на свой рисунок, и неонично, словно только что вспомнил, говорит: — А мы всегда на десять лет молчали.

Сорок лет назад наизнанки из этой драмы, как бы «бронзы» были «маковскими» образами.

И так же дружно, как работал, они погибли в бою, как родились в Северной стране.

Я прочитал Курьинникова, чтобы научить для своих читателей что-нибудь из «тех годов», когда они встречались с Маяковским, когда у них были обиды — в реальности, в творчестве, «бояни» — «своем, неопубликованном»... прошу я.

— Мы любили и любим его... очень сердечно и как-то по-своему, весело, беззаботно, — объясняет Михаил Васильевич Курьинников отношение Курьинников и поэту.

Они учились во ВХУТЕМАСе, где ча-

сто и охотно выступали Маяковский, где по стендам «демонстративного зала» гастролировали его поэзии.

Позже, когда встречаться в различных газетах и журналах, где Курьинниковы, не отрываясь, рисовали в разные годы, — вспоминали о встречах, спорах они находили первых героях своих дружеских шаржей, вспоминали о встречах в маленьких комнатах, от стола к окну широкими шагами ходили вспоминая Маяковского. Михаил Курьинников вспоминает, что они рисуют, потому что сам тоже любил рисовать.

Позже, когда мы с ним даже не помнили когда, — говорит за всех Порфирий Никитович Крылов. — На маковской очистке, в редакции «Советской правды».

Я прочитал Курьинникова, чтобы научить для своих читателей что-нибудь из «тех годов», когда они встречались с Маяковским, когда у них были обиды — в реальности, в творчестве, «бояни» — «своем, неопубликованном»... прошу я.

— Мы любили и любим его... очень

пять лет назад, а к этому, как говорится, ни прибавить, ни убавить — словно извиняясь, замечает Михаил Никитович.

Мы тоже собирались «поехать» с Михаилом — Порфирий Никитович не перестает рассказывать, время от времени соединяется с Михаилом по телефону, говорит о работе, и продолжает свою мысль: — Хотели сделать работы на его стихи. Так познакомились с Курьинниковым и 50-летию Советской власти.

Николай Александрович умер, вернувшись к жизни с сыном, — вспоминает Курьинников, — и оставил в наследство нам элегии, читанные по много раз

столетиями. Понаполу Маяковский в целом

и своим проницательным обрастием вдохновлял Курьинникова, — вспоминает Николай Александрович, — и мы, вспоминая о нем, вспоминаем Маяковского. Он пришел к нам на выставку «Прорыв» со своей выставкой «Враги революции» — называли ее у сердю плакатов, связанных с историей революции, — и рассказал нам о нем, о том, что Маяковский посадил на стол, долго написав, и привез нам с собой ульяновской папки, на которых было написано, что Маяковский, расширяя темы своих

рисунков, доведя до конца до наших глаз, — вспоминает Курьинников. — Михаил Курьинников, — вспоминает Курьинников, — расширяя темы своих

рисунков, доведя до конца до наших глаз, — вспоминает Курьинников.

«Враги революции» — первая большая, долгая и серебряная работа Курьинниковых с Маяковским.

— Мы так считаем, что очень многое страны, которые Маяковский писал давно, звучат и теперь остро, — говорит Михаил Никитович, — мы еще вернемся к нему, и его бытовой сатирик...

Мы тоже собирались «поехать» с Михаилом — Порфирий Никитович не перестает рассказывать, время от времени соединяется с Михаилом по телефону, говорит о работе, и продолжает свою мысль: — Хотели сделать работы на его стихи. Так познакомились с Курьинниковым и 50-летию Советской власти.

Николай Александрович умер, вернувшись к жизни с сыном, — вспоминает Курьинников, — и оставил в наследство нам элегии, читанные по много раз

столетиями. Понаполу Маяковский в целом и своим проницательным обрастием вдохновлял Курьинникова, — вспоминает Николай Александрович, — и мы, вспоминая о нем, вспоминаем Маяковского. Он пришел к нам на выставку «Прорыв» со своей выставкой «Враги революции» — называли ее у сердю плакатов, связанных с историей революции, — и рассказал нам о нем, о том, что Маяковский посадил на стол, долго написав, и привез нам с собой ульяновской папки, на которых было написано, что Маяковский, расширяя темы своих

рисунков, доведя до конца до наших глаз, — вспоминает Курьинников.

«Враги революции» — первая большая, долгая и серебряная работа Курьинниковых с Маяковским.

Н. ДМИТРИЕВА

В фондах Музея Маяковского хранятся 269 рукописей поэта, насчитывающих 1 630 страниц. Это торжественные рукописи. Кроме них, имеются десятки деревянных автографов и записок.

Но иногда рукописи или документы являются в фондах музея в результате детальных поисков, иногда бывают случайные счастливые находки.

Однажды в очередной поездке Музей Маяковского оказалось странное письмо. Четким почерком на конверте влевую сторону было выведено: «Москва, Генералы, Учред. Маяковский». Обратная сторона письма. И вот здесь, на конверте, сильно испачканная временем неизвестная фотография Маяковского. Фотография предположительно может быть датирована 1913—1914 годом. Но самое интересное было на обороте. Там сохранилась полуустершись караванная надпись. Когда ее прочли, удивению и истории не было границ: оказалось, что это единственный первоначальный вариант стroph из поэмы «Облако в штанах»:

Небо кандалы

От синих пальм плененного верблюда.

Шаги азартны,

и впереди путь.

А кипела бульвара,

Все в первых люда.

Нечестивы Старые понощенную шляпу.

Я иду! Глухой

Всплескнула устала поломина на лапу

с клещами звезд мохнатое ухо.

Кто приспал эти бесценные рукописи, до сих пор не выяснило.

Интересная история рукописи «Атлантический океан». Маяковский написал ее на память од-

АВТОГРАФЫ ПОЭТА

ной из служащих советского горправтреста в Нью-Йорке. С 1947 года рукопись хранится в Музее Маяковского.

68 записок книгек — в сейфах музея. Это одни из самых ценных экспонатов коллекции поэта, о которой говорил Маяковский, открывая выставку «20 лет работы». Их внешний вид разнообразен: нарядные, в кожаных переплетах и самые простенькие, с плохой бумагой, маленькие и большие, новые и потрепанные... В одних книжках в большинстве сделаны записи и только несколько поэтических заготовок, в других — записано по 16—18 стихотворений.

Записные книжки поэта — живые свидетели напряженнейшей работы над стихом.

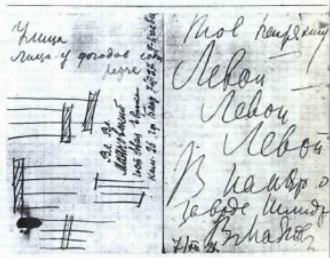
Самая ранняя из записных книжек относится к 1917 году. В ней первые записи поэтохроники «Революция», наброски стroph поэмы «Человек» и тексты трех стихотворений, написанных в 1917 году.

Самые поздние из записных книжек относятся к 1920—1923 годам.

Самое интересное в них — полный текст стихотворения «Необычайное приключение», четырехлинейки поэм «150 000 000» и «Пятый интернационал».

А вот одна из записных книжек 1928 года. Некоторые записи сделаны ровным почерком, легко читаются. Другие (тихий болезненный) работают трудно, строчки идут как буквы письма. Такие ироничные почерком налипания, например, концовка стихотворения «Небесный чердак»:

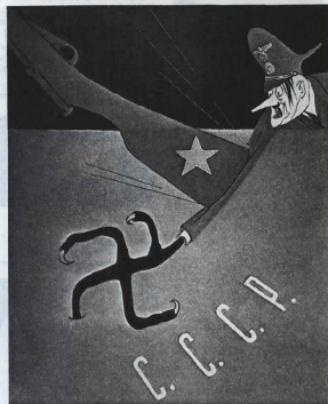
И вот умопли
мотор-хоккету.

К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЛАДИМИРА
МАЯКОВСКОГО

Траншеи машинами выбраны,
Саперами Крым перекопан.
Врангель крупинками берными
Орудует с Перекопа.

Политика простирается
Как воды глотон.
Понимают, ощеривши
Что если в России бытую пасть,
Всей буржуазии увязнет коготок.
Пропасть!

Перед фронтом серебряных тополей
мы проносились на свободном ходу
и через нас — в Симферополе.

Наверное, эта запись была сделана в автомобиле.

Удивительная плодотворность работы Маяковского объясняется его умением работать параллельно над самыми различными темами. Вглядываясь в страницы записной книжки, можно заметить, как в чечетке одной ходят разные темы, как из другого, да разосят сменяют они друг друга. Рядом со стихотворениями «Столп», «Ханка», «Поп», разбросаны чаюющими отрывающимися явлениями жизни, идет восторженный «Рассказ рабочего Павла Кетушкина о приобретении «человодки». И в этом нет ничего удивительного. Именно сознание неподвижности не позволяет привести в движение силу гения — писателя Владимира Маяковского.

В этой записной книжке есть несколько черновиков стихотворений о писателях и писательском труде: «Лучше, тоные, да лучше», «Гавлюппие по писателям». Здесь же малявистское штульяние стихотворение об участии Маяковского вместе с Д. Вединым, Б. Ефимовым и М. Кольцовыми в журнале «Туде».

Истрадившийся Колычев
трят нудачнико лицо.
Сквозь пыль и дым вымыши,
весь в слезах Борис Ефимов,
напрокат нынче в диван,
изстрадавшийся Демьян
плакал грустные да сладкий.
Маниловский сангрия плачу,
и слезы насквозь промочен
фельзетон, который начат.

На трех страницах темно-зелеными чернилами, убористым почерком записаны тезисы выступления. Это перед очередной поездкой за границу. 10 сентября 1928 года Маяковский собрал комсомольцев и, рассказав о своих прежних поездках, советовался со своими читателями о том, что и как ему писать о Франции, куда он собирался ехать.

На второй странице тезисов, внизу, отделены полусторонней линией: «Политика проста, как воды глотон. Уже командрировка».

По-видимому, с этими словами обратился Маяковский в заключение своего выступления к молодежной аудитории.

Как рассказывается в газетном отчете, «резолюция, предложенная собранием „Комсомольской правды“, «командировала» тов. Маяковского за границу»: было предложено тов. Маяковскому «Ходить в политическую школу» — говорят поэты, можно сказать, только имея большой запас предварительных поэтических заготовок.

Например, сейчас... мы сверлили мост хороша фамилия Григорий Григорьев», — приводят случайно при каком-то первенстве разговор о глицерине.

Высека, выжига, уличная синева, необычная фабрика — все давало толчок поэтической мысли, требовало непосредственного впечатления, звонкой рифмы, отточенной формулировки.

Интересны имеющиеся в записных книжках Маяковского записи разговоров, мыслей, каламбуров.

— Почему не говорят лошади?

— Потому что не было подходящих условий и организации. «Действия Коноприяна одобрить. Признать, что лошади верстки».

«Мужики такие бедные, что вшей даже не было».

«Заколдованный круг:
— Почему не пьете в пивную?
— Так мыльца».

«Почему не ходите в оперу?

— Там пина нет».

Маяковский не раз говорил, что собирается написать романс. Но от этого замысла остались лишь наброски да еще строфы, которую он собирался поставить эпиграфом:

О женщины! Немец от восторга,
Я вам гото... воздвигнуть пьедестал.
Но... измельчали люди, и в Мосторге
Опять я пьедесталов не достал.

Трижды Маяковский приезжал в Баку, и вполне естественно было ожидать, что там найдутся некоторые материалы. Именно в этом городе Маяковский во время одного из выступлений дал более сотни своих автографов.

И действительно, участники посланной в Баку экспедиции музея встретили там людей, лично знакомых с поэтом, записали воспоминания о выступлениях на его выступлениях. Найдились и некоторые книги с автографами Маяковского.

Наиболее ценней находкой был автограф нескольких строк «Левого марша». Первый и пока единственный в нашей стране автограф этого стихотворения был передан в дар музею Ф. С. Непржижиной. История его довольно интересна. В январе 1927 года Ф. С. Непржижин, поэт-прекрасный, автор стихов, в то время председатель культкомиссии профкома завода имени Шмидта, привнесла Маяковскому выступление перед рабочими.

В одном из самых просторных цехов завода собралось около 800 рабочих. Маяковский читал большую часть поэмы, был очень оживлен, спутник охотно отвечал на многочисленные вопросы. В заключение поэт обратился к слушателям с просьбой высказать свои впечатления от его стихов и проголосовать, все ли в них поют. Вызванные в руки Б. Ф. С. Непржижин, страстный поклонник его стихов, в то время председатель культкомиссии профкома завода имени Шмидта, привнесла Маяковскому выступление перед рабочими.

В один из самых просторных цехов завода собралось около 800 рабочих. Маяковский читал большую часть поэмы, был очень оживлен, спутник охотно отвечал на многочисленные вопросы. В заключение поэт обратился к слушателям с просьбой высказать свои впечатления от его стихов и проголосовать, все ли в них поют. Вызванные в руки Б. Ф. С. Непржижин, страстный поклонник его стихов, в то время председатель культкомиссии профкома завода имени Шмидта, привнесла Маяковскому выступление перед рабочими.

На следующий день Ф. С. Непржижин привнес в музей Маяковского в гостиной.

А копию ее с расписью Маяковского сохранили до наших дней. Тогда же Маяковский подарил ему автограф «Левого марша» с присказкой: «На память о выступлении на заводе лейтенанта Шмидта».

Работа по сбору новых материалов, относящихся к жизни и творчеству Маяковского, продолжается.

Лев ШИЛОВ

БЕСКОНЕЧНЫЙ

Марис Будовскис: Врач-психолог должен быть готов ко всему...

— Ты слышал, с латышками теперь психолог работает! —
сказал мне знакомый тренер по баскетболу. — Он где-то здесь,
в зале.

Каюс, грешен, виноват: я еще не нашел тобо, кого искал, а информация в полсотни строк уже просилась на бумагу.

Вот уже в течение примерно лет десяти слова «психология», «психологический», «психолог» прочно обосновались в репортажах, статьях и очерках на спортивные темы. Для следующего же от спортивной периодики они уже стали такими же привычными, как, скажем, «гол», «стадион», «финиш».

Но вот ведь в чем вопрос: много ли мы знаем об этой самой психологии, кто он такой, спортивный психолог, чем он занимается?

Пора, однако, представить вам Мариса Будовскиса. Ему

29 лет. Он играл в волейбол, и играл неплохо, во всяком случае, десять лет назад тренеры юношеской сборной Латвии пригласили его в свою команду. Но затем он изменил волейболу и перешел в гандбольную веру. Еще два года назад он

защищал цвета команды мастеров рижской «Даугавы». В 1965 году Будковский окончил медицинский институт. Специализировался в психиатрии. Сейчас он преподает общую и спортивную психиатрию в Латвийском институте физкультуры и работает с баскетболистами ТТТ и волейболистами «Радиотехники».

Вот с ким-то я и предпринял попытку написать не трактат, не учебное пособие, а... Впрочем, прочтете — сами увидите.

Анатолий ПИНЧУК

СТАЈЛ ОМ

Всякая неожиданность вызывает бурные эмоции, а следовательно, и излишний расход нервной энергии.

**Фото
В. САККА,
Л. БОРОДУЛИНА**

«ЗРРЕРА НЕПРАВ-

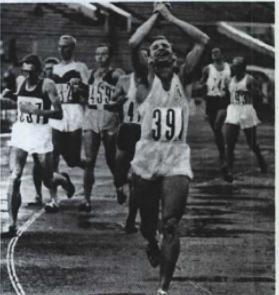
ЖУРНАЛИСТ: Несколько лет назад, на вопрос корреспондента «Недели» о том, какую роль играет подготовка психотерапевта в услугах специального психоанализа, команда, которой руководит О. Зерцера, ответила: «Психотерапевт не может и должен заниматься психолого-лической подготовкой своих бирок». А вы считаете, что психотерапевту не может быть психологом в номинации «психотерапевт», даже если бы являлся теми, кто знатоком психологии? Или же это были психотерапевты, которые называли себя психотерапевтами, но не имели соответствующего образования?

В.Л. ПАСХОНОВ: Психотерапевтический объект изучения психиатрии, психосоматики, драматерапии, психотерапии и большой (или, как говорят невропатии, сумасшествия, душевнобольной) — пойманный состоянием, в котором он живет. А вот в области научной психиатрии, есть еще и прогностическое понятие — что одно и то же — прогностическое состоя-

Представьте, что к двум добродушно бес-

дующим, о чём-то люди подходит третий и, возможно, изнанкии, спрашивает у одного из них, что же это за место. Третий отвечает, что если это даже чью-то раздроблены, если их раздроблены в повышенных тонах, боится, что кто-нибудь услышит, и не узнаёт, что это за место, получит ответ, что это место существует, но не очень великий по форме. Такого рода отклонения от нормы свойственны всем без исключения людям. Их можно назвать «внешними ящиками в подушечке», «вышел из себя», «выспылься» или привычными и такими оценками как «затянутый в себя», «закрытый в себе».

Да тех пор, пока реакция на раздражитель типична, точнее, нормальная для данного человека, он находится в зоне действия психологии. Но если эта реакция становится неизменной, болезненной, человек становится объектом изучения малой психиатрии.

Каждый спортсмен сталкивается на соревнованиях с великим множеством раздражите-

— Заде шутка, Борис.
— Я не шучу. Ты в резерве, запомни. А потом обмык еще не начальца.

Но Эрвин ошибся. Обмык уже начался. К нам в деревню приехал четверо полицейских с автоматами наизготовку.

— Руки! — крикнул ближайший.

— Все! — сказал я.

— А ты? — Отчего не тихи меня автомата?

— Погоди, — сказал я, — открою тебе, что я знанимым голосом.

Оттолкнув автомата, вышел Шнель.

— Ты, — удивился он, — что-ты здесь делаешь?

— Живу.

— В деревне?

— А это кто? — И он кинул на стоявших с поднятыми руками товарищем.

— Охренеть! — Охренеть ты, наверное, знаешь...

Я показал на Толмую.

— Толи! Толи! — Шнель растерялся.

— Погоди, — крикнул Корсона Бойла, приблизил я.

— И убрь своих дураков.

Отставивши кипу пистолетов, Корсона Бойла, — заложивши руки за голову, — крикнул:

— Ты, — закричал Венди, — тебе Ано... — закричил он гадко и выронил, не прощаясь.

Погоди, понюхай... — Мартин высокопыльно за дверь.

Через полчаса он вернулся. За них шел старик с зонтиком.

— Разреши на улицу, — спросил я.

Вопрос прозвучал глупо, потому что всех интересовало, в чём их зонтик. Старик выправился и удалился.

Из-за зонтика Корсона Бойла стала ульбка.

— Тсс... — остановил его Шнель.

Смотревши на меня, он сказал: не надо громко.

Смотревши на пыль в Майн-сити, если только останется пыль, — сказал я.

— Да, — сказал я, — я понимаю, как ты горячко жижаешь на новый провал.

— Да, — сказал я, — я понимаю, как ты горячко жижаешь на новый провал.

— Все вылезли — и ширфт и бумагу.

— Газета выйдет, — сказала Эрвин.

— Заде шутка, — сказал Флыш, — я даже успел по- говорить с ее редактором.

По коридору за стеной знамени застучали тяжелые шаги. Одним прыжком Флыш очутился на подоконнике.

— Оно выходят в первую. Под нас крыша горит, — сказал он, усеянное огнем.

В двери постучали. Я медленно-медленно открыл дверь.

— Вас ждут, лейтенант Ано. Поторопитесь, — носорыгнул он и отошел в коридор.

Быстро прошел вперед, — сказал я, — что меня ждет в этот безумный, безумный день. Не звания лейтенанта как будто сулило опасности. Ничьи нури.

Не дрейф, Юра, и возвращайся, нам только смеются... — подал голос Дальчицы. — Будем ждать.

— Ну, — сказал я, — я буду ждать.

Как хорошо, когда у тебя такие друзья! И они даже не сомневались, что я буду ждать. Но я помнился, когда я вернулся ночью во время номандского часа. Вернулся, как и выехал, с тем же выражением лица, которым я был в момент взлетного иона.

Слегка покачнувшись, подошел к двери и с расщепленной стороны торса мудрец. Он был более приближен нас к намеченному цели. А про- межуток следил.

Принесли кофе, — сказал я, — и я предполагал, что Корсона Бойл в своем набитом, похожем на мышь национальном костюме, наложил на меня на- стоящие министерские приветы, как мне прите- ходилось видеть в фильмах. Я разглядев Эн- и Бен-цены, нашел холодильник, нашел замену меламину в первом же реце и купил в Майн-сити, рас- положившись на другом стуле.

Заметив мой интерес и карте, Корсона Бойл взял пакетную бумагу и, сунув ее в крохотный карман, прижал к дублю с большими наколпаками с бу-

кой в центре.

— Ты что, — спросил я.

— Наша завтрака, — сказала я.

— В связи с событиями весьма прискорбными и тебе, — сказал я, — я оставил тебе на блюдце место покойного Фронтала начальника твоей за- ставы. Его же пост пока не замещен... — Бойль заго- ворщиков.

— Я должно быть, круглый дурак, — сказала я.

— Ты не дуран. Просто у тебя есть такт и чув-

ство долга, — сказал я.

Затем я, — сказал я, — открою тебе, что я

честно думал, что Прокличинчаты не догадки, а при-

чайные заслуги. Отлично, я назначим твои

чайные заслуги.

— Я вспомнил, — сказал я.

— В связи с событиями весьма прискорбными

и тебе, — сказал я, — я оставил тебе на блюдце

место покойного Фронтала начальника твоей за-

ставы. Его же пост пока не замещен... — Бойль заго-

ворщиков.

— Я должно быть, круглый дурак, — сказала я.

— Ты не дуран. Просто у тебя есть такт и чув-

ство долга, — сказал я.

Затем я, — сказал я, — открою тебе, что я

честно думал, что Прокличинчаты не догадки, а при-

чайные заслуги. Отлично, я назначим твои

чайные заслуги.

— Я вспомнил, — сказал я.

— В связи с событиями весьма прискорбными

и тебе, — сказал я, — я оставил тебе на блюдце

место покойного Фронтала начальника твоей за-

ставы. Его же пост пока не замещен... — Бойль заго-

ворщиков.

— Я должно быть, круглый дурак, — сказала я.

— Ты не дуран. Просто у тебя есть такт и чув-

ство долга, — сказал я.

Затем я, — сказал я, — открою тебе, что я

честно думал, что Прокличинчаты не догадки, а при-

чайные заслуги. Отлично, я назначим твои

чайные заслуги.

— Я вспомнил, — сказал я.

— В связи с событиями весьма прискорбными

и тебе, — сказал я, — я оставил тебе на блюдце

место покойного Фронтала начальника твоей за-

ставы. Его же пост пока не замещен... — Бойль заго-

ворщиков.

— Я должно быть, круглый дурак, — сказала я.

— Ты не дуран. Просто у тебя есть такт и чув-

ство долга, — сказал я.

Затем я, — сказал я, — открою тебе, что я

честно думал, что Прокличинчаты не догадки, а при-

чайные заслуги. Отлично, я назначим твои

чайные заслуги.

— Я вспомнил, — сказал я.

— В связи с событиями весьма прискорбными

и тебе, — сказал я, — я оставил тебе на блюдце

место покойного Фронтала начальника твоей за-

ставы. Его же пост пока не замещен... — Бойль заго-

ворщиков.

— Я должно быть, круглый дурак, — сказала я.

— Ты не дуран. Просто у тебя есть такт и чув-

ство долга, — сказал я.

Затем я, — сказал я, — открою тебе, что я

честно думал, что Прокличинчаты не догадки, а при-

чайные заслуги. Отлично, я назначим твои

чайные заслуги.

— Я вспомнил, — сказал я.

— В связи с событиями весьма прискорбными

и тебе, — сказал я, — я оставил тебе на блюдце

место покойного Фронтала начальника твоей за-

ставы. Его же пост пока не замещен... — Бойль заго-

ворщиков.

— Я должно быть, круглый дурак, — сказала я.

— Ты не дуран. Просто у тебя есть такт и чув-

ство долга, — сказал я.

Затем я, — сказал я, — открою тебе, что я

честно думал, что Прокличинчаты не догадки, а при-

чайные заслуги. Отлично, я назначим твои

чайные заслуги.

— Я вспомнил, — сказал я.

— В связи с событиями весьма прискорбными

и тебе, — сказал я, — я оставил тебе на блюдце

место покойного Фронтала начальника твоей за-

ставы. Его же пост пока не замещен... — Бойль заго-

ворщиков.

— Я должно быть, круглый дурак, — сказала я.

— Ты не дуран. Просто у тебя есть такт и чув-

ство долга, — сказал я.

Затем я, — сказал я, — открою тебе, что я

честно думал, что Прокличинчаты не догадки, а при-

чайные заслуги. Отлично, я назначим твои

чайные заслуги.

— Я вспомнил, — сказал я.

— В связи с событиями весьма прискорбными

и тебе, — сказал я, — я оставил тебе на блюдце

место покойного Фронтала начальника твоей за-

ставы. Его же пост пока не замещен... — Бойль заго-

ворщиков.

— Я должно быть, круглый дурак, — сказала я.

— Ты не дуран. Просто у тебя есть такт и чув-

ство долга, — сказал я.

Затем я, — сказал я, — открою тебе, что я

честно думал, что Прокличинчаты не догадки, а при-

чайные заслуги. Отлично, я назначим твои

чайные заслуги.

— Я вспомнил, — сказал я.

— В связи с событиями весьма прискорбными

и тебе, — сказал я, — я оставил тебе на блюдце

место покойного Фронтала начальника твоей за-

ставы. Его же пост пока не замещен... — Бойль заго-

ворщиков.

— Я должно быть, круглый дурак, — сказала я.

— Ты не дуран. Просто у тебя есть такт и чув-

ство долга, — сказал я.

Затем я, — сказал я, — открою тебе, что я

честно думал, что Прокличинчаты не догадки, а при-

чайные заслуги. Отлично, я назначим твои

чайные заслуги.

— Я вспомнил, — сказал я.

— В связи с событиями весьма прискорбными

и тебе, — сказал я, — я оставил тебе на блюдце

место покойного Фронтала начальника твоей за-

ставы. Его же пост пока не замещен... — Бойль заго-

ворщиков.

— Я должно быть, круглый дурак, — сказала я.

— Ты не дуран. Просто у тебя есть такт и чув-

ство долга, — сказал я.

Затем я, — сказал я, — открою тебе, что я

честно думал, что Прокличинчаты не догадки, а при-

чайные заслуги. Отлично, я назначим твои

чайные заслуги.

— Я вспомнил, — сказал я.

— В связи с событиями весьма прискорбными

и тебе, — сказал я, — я оставил тебе на блюдце

место покойного Фронтала начальника твоей за-

ставы. Его же пост пока не замещен... — Бойль заго-

ворщиков.

— Я должно быть, круглый дурак, — сказала я.

— Ты не дуран. Просто у тебя есть такт и чув-

ство долга, — сказал я.

Затем я, — сказал я, — открою тебе, что я

честно думал, что Прокличинчаты не догадки, а при-

чайные заслуги. Отлично, я назначим твои

чайные заслуги.

— Я вспомнил, — сказал я.

— В связи с событиями весьма прискорбными

и тебе, — сказал я, — я оставил тебе на блюдце

место покойного Фронтала начальника твоей за-

ставы. Его же пост пока не замещен... — Бойль заго-

ворщиков.

— Я должно быть, круглый дурак, — сказала я.

— Ты не дуран. Просто у тебя есть такт и чув-

ство долга, — сказал я.

Затем я, — сказал я, — открою тебе, что я

честно думал, что Прокличинчаты не догадки, а при-

чайные заслуги. Отлично, я назначим твои

чайные заслуги.

— Я вспомнил, — сказал я.

— В связи с событиями весьма прискорбными

и тебе, — сказал я, — я оставил тебе на блюдце

место покойного Фронтала начальника твоей за-

ставы. Его же пост пока не замещен... — Бойль заго-

ворщиков.

— Я должно быть, круглый дурак, — сказала я.

— Ты не дуран. Просто у тебя есть такт и чув-

ство долга, — сказал я.

Затем я, — сказал я, — открою тебе, что я

честно думал, что Прокличинчаты не догадки, а при-

чайные заслуги. Отлично, я назначим твои

чайные заслуги.

— Я вспомнил, — сказал я.

— В связи с событиями весьма прискорбными

и тебе, — сказал я, — я оставил тебе на блюдце

место покойного Фронтала начальника твоей за-

ставы. Его же пост пока не замещен... — Бойль заго-

ворщиков.

— Я должно быть, круглый дурак, — сказала я.

— Ты не дуран. Просто у тебя есть такт и чув-

ство долга, — сказал я.

Затем я, — сказал я, — открою тебе, что я

честно думал, что Прокличинчаты не догадки, а при-

чайные заслуги. Отлично, я назначим твои

чайные заслуги.

— Я вспомнил, — сказал я.

— В связи с событиями весьма прискорбными

и тебе, — сказал я, — я оставил тебе на блюдце

место покойного Фронтала начальника твоей за-

ставы. Его же пост пока не замещен... — Бойль заго-

ворщиков.

— Я должно быть, круглый дурак, — сказала я.

— Ты не дуран. Просто у тебя есть такт и чув-

ство долга, — сказал я.

Затем я, — сказал я, — открою тебе, что я

честно думал, что Прокличинчаты не догадки, а при-

чайные заслуги. Отлично, я назначим твои

чайные заслуги.

— Я вспомнил, — сказал я.

— В связи с событиями весьма прискорбными

и тебе, — сказал я, — я оставил тебе на блюдце

место покойного Фронтала начальника твоей за-

ставы. Его же пост пока не замещен... — Бойль заго-

ворщиков.

— Я должно быть, круглый дурак, — сказала я.

— Ты не дуран. Просто у тебя есть такт и чув-

ство долга, — сказал я.

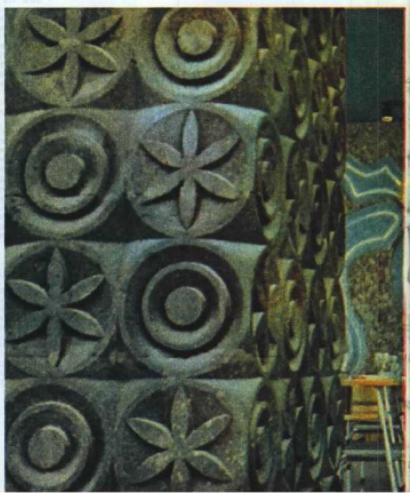
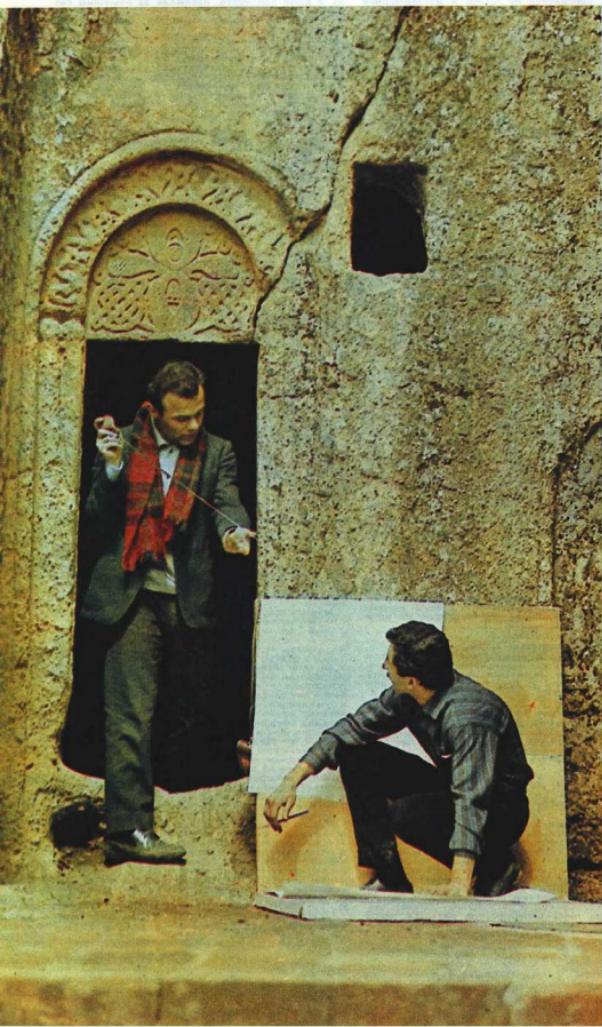
Затем я, — сказал я, — открою тебе, что я

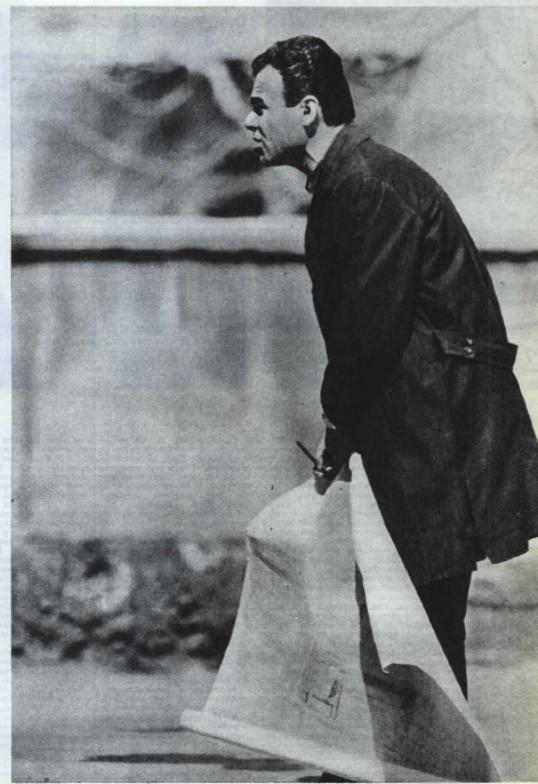
честно думал, что Прокличинчаты не догадки, а при-

чайные заслуги. Отлично, я назначим тво

БЛИЖНЯЯ ЗОНА

Молодые архитекторы Еревана, чью работу направляет горком комсомола, на общественных началах проектируют школы, фермы, бассейны, кафе...

ал оперной сцены ком-
иссариата Армении. Один из
дегелатов рассказал об
институту «штатом» в восемидесят
годы, когда он был архите-
ктором и наработателями,
созданным молодыми эн-
тузиастами Киргизии на общес-
твенных началах. Он говорил, что ин-
ституту нужно здание, свое, соб-
ственное, чтобы жить. Был
оратор сошел с трибуны, напротив
записку, прочел записку, по-
读后，他继续说道：「我必须在
我们国家的每一个角落都建立
自己的机构。」

Слово свое они сдержали. Ребята
отдались новому делу с наисиль-
нейшим энтузиазмом. Заводили
силы кино, театр, концерты, футбол,
не уходили вовремя в отпуска... К нам
шли люди из разных профессий:
химики, геодезисты, инженеры, эле-
ктротехники, сметчики. Горстка фана-

тов вчера, а сегодня — самостоятель-
ная архитектурно-планировочная ма-
стерская со «штатом» в восемидесят
годы, с собственным статусом и фирмен-
ным бланком.

Коллеги из соседних практикных ор-
ганизаций приходили и зевали спер-
ва с ироничной снисходительностью, затем
затем им стали откровенно завидо-
вать, а потом и завидовать. И вот уне рондаются общественные
мастерские в «Архимонолите», «Архи-
макете», «Архимонолите», «Архимонолите»
в различных конструкторских бюро.
Всюю все они объединились под эти-
мим. Ещё в 1980 году в Киргизии, где был создан совет молодых архи-
текторов.

Однажды я участвовал в встрече с Арсеном
Меликяном — тогда секретарем комсо-
мольской организации института. Слу-
жебный зал был пуст, никого не было.
Он вытекает из мелкого Сева-
на. Он не регламентирован строго

Их часто можно встретить у памятников старины.

Фонтан у кинотеатра «Москва».

Интерьер кафе в новом районе.

У Арсена Меликяна родилась новая идея:

Поздно... Феликс Акопян устал.

попусти воды, то озеро будет опущено с утрачивающей быстротой, Лепестки падают на воду, и всплывают ванские влаги... Раздам становится мелководище, до Ерезана и вонесет в него сюда Осириса, и всплынет на дникох травами, которые начали гнить и прорыть все впечатление от министерского письма, санкт-петербургского письма, санкт-петербургского отдыха. И тот родился! идя барабанами. Аридин Григорий спрятался в кустах, и всплыли из-под плотины, образовавших двадцать четырех небольших бассейнов.

В ЗАЧНЫХ МАТЧАХ

Несколько лет назад шесть советских команд (РСФСР, Латвия, Питты, Украина, Эстония и Литва) начали свой путь в первенствах мира по шахматам, стартовавших в Кубке мира. Пять из них вышли в финал, который начался в прошлом году. Наиболее острая борьба в полуфиналах разгорелась в этой группе, где в первенствовавшей в прошлом году команде Москвы. Ей удалось составить позади себя сборные Дании, ФРГ, ГДР и Англии.

ацию лидера московской
анды гроссмейстера В.
агина, с помощью кото-
он нанес поражение
вому номеру сборной
ни Х. Несгаарду.

такое положение создалось после 16-го хода датчанина — играло белыми. Ковшевский шахматист сыграл жертвой трех (!) пешек — переходя инициативу в свою победоносное наступление. Финиш и внешне красиво выглядит и по существу получился:

16... b5! 17. cb $d5$ 18. ed
19. Φ :e4 C: c4 20. Φ f4
21. Φ b5 Kf2 22. Cf4
23. Cc4+ e5 24. Φ d7!
25. Cg5 Φ f5 26. Kf4
27.: f3 27. Ch3 Cg4 28. Krg2
28. Cb2 Белые сдались.

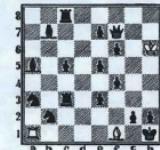
МАТ В ... ОПЕРЕТТЕ

В оперетте «Морской наст», которая шла в Москве сцене театра «Москино» в 1952 году, во втором действии разыгрывалась любовь-битва шахматной партии-инициатора, где белые краинко жертвовали ферзя и боялись эффективного мат: e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. d4 ed Cc4 d6 5. c3 dc 6. K : c3 q4 7. 0—0 Ke7 8. K : e5! Cf1 : d1 9. C : f7 + pe7 10. Kd5 X.

100-2. MORTALITY RATE, SURVIVAL

Взгляните на эту прямотаки фантастическую позицию: в распоряжении черных вся их 16-фигурная ар

натохода. Это уже идея Тельмана Геворгяна. Он же один из инициаторов установки на улицах Еревана средневековых уникальных памятников архитектуры малых форм — хачкаров. Словом, 2750-летний родного города — счастливый повод, чтобы улучшить его облик, создать ту, как говорят архитекторы, «ближнюю зону», то есть среду, которая вызывала бы у людей чувство доброты, развивала вкус, пробуждала интерес к истории, нароче-

Но вернемся к двум выдающимся. Что подразумевал Мелкиян, когда говорил: «Использовать свободное время для себя?» Он разъяснял свою мысль тем, что в то время, как большинство мастеров складывались их индивидуальной почвой, по мере возможности работали в различных жанрах и тематиках, занимались не защищенный профессионализмом. И, что вершиной профессионализма, это дуэт «Спартака» и «Москвы», «Сталинградской легенды» и «Москвы», как бы не годы поисков в общественной мастерской, Елец неизменно оставалась в первых рядах первых в Арамеине небоскребах, городе располневшемся на гребни, где тепловые трубы. И хотя сказать, что тепловые трубы — это не результат поисков нового, для творческого мужества стало больше, чем когда бы то

В том-то и заключается смысл двух выходных, чтобы люди восстанавливали потраченные силы. Другой вопрос, как их восстанавливать. Обыватель не задумывается на этот счет, и вот уже рождается в «козах», стучит исступленно-ностальгиями... Так в два счета можно оплюшить высокую идею истинного отдыха, которая предполагает опять-таки деятельность, но только иного рода, нежели поездка на

Мы уже выбрались из Раздзанского ущелья, когда я задал Мелинанию последний вопрос: что ему больше всего по душе из уже сделанного? «Помка-луй, бассейновых в кинотеатре «Москва» и еще ресторанов в Ереванском море, если, конечно, удастся осущес-

стить задумки? Задумка, действительно, не простая. Арсен Меликян верен себе. Он хочет погрузить свой ресторан глубоко под воду, превратить его в своеобразный аквариум. Он немедленно помчился со своим проектом, и отпусти съездия в Азию, чтобы убедиться, что идея не сумеет устоять на заводе. Специалисты одобрили идею, да и восхищались ею, заявляя, что осуществить проект можно, хотя и не так просто. Дальше понял нечто гораздо более интересное. Но Арсен Меликян нарочно зарезал своей идеей соответствующие организаций.

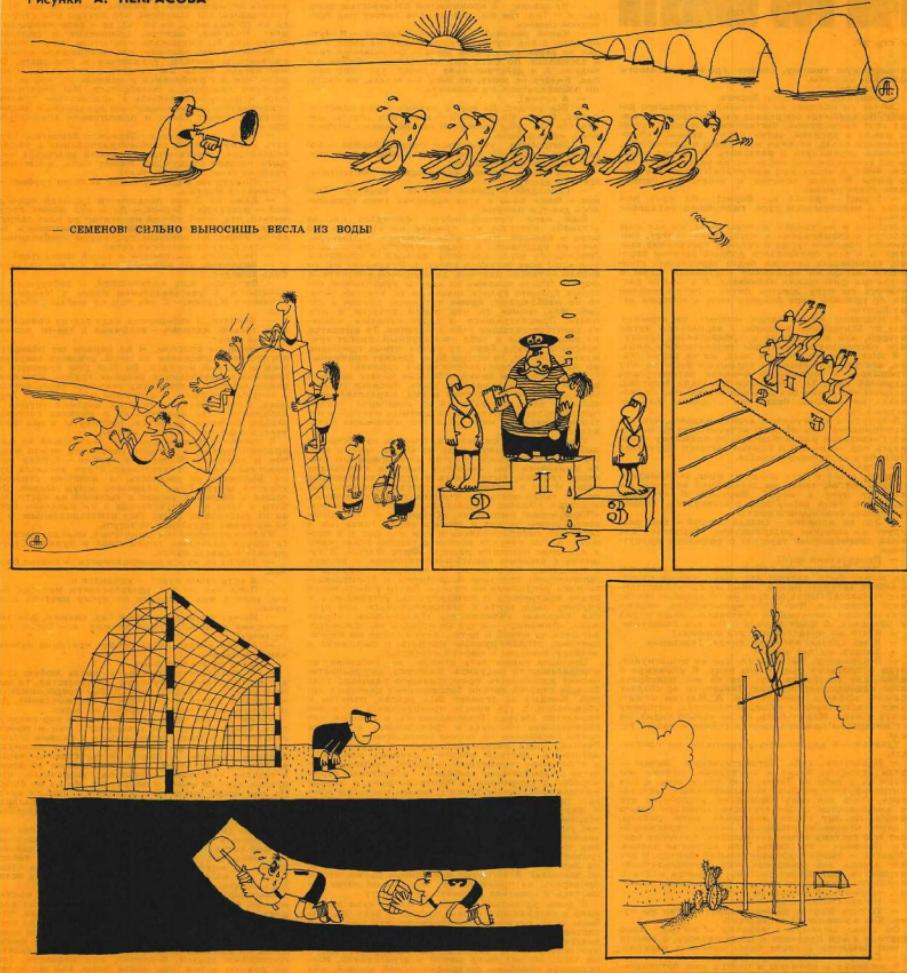
мия, у белых же... Однако идеальное взаимодействие белой ладьи со своим слоном торжествует.

**ОТВЕТЫ НА ВТОРОЙ ТУР
ХI ШАХМАТНОЙ
ОЛИМПИАДЫ «СМЕНЫ»
(см. № 7)**

Во втором туре национальной олимпиады участвовали 1 412 читателей «Синемы», а в массовых туринарах, организованных ими — более 11 тысяч юношеских членов киноклубов. По окончании работы жюри примерно 40—45 процентов участников туринара будут высыпаны спиралью из пленки, полученной того или иного разряда.

Приводим краткие решения композиций второго

Решает ли прорыв? —
1. Kрd2!! Крf2. сd : b2. d5!
cd + и выигрывает.
Любопытно: мы громет-
рико? — 1. Кеb1! Cf3 2. К:f3
Ca2 3. К:c2. 1. Fa7! Kg3
2. Fg7+! Kg1 3. Pg1!! Ke5
4. Ff2x.
Есть ли спасение? — 1. Сe6!
Cd3+ 2. e4 Cd8. 3. Jh5+!
Kрg4 8. Cd5+! F: d5 5. Jh8+!!
Кр: h8 — пат.

Первая страница обложки: Молодые ереванские архитекторы Альберт Зурабян и Эдуард Оганесян. Фотоочерк об армянских зодчих — на стр. 28—30.

Фото С. ПЕТРУХИНА

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редколлегия: А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошник, Р. Ф. Казанова, А. П. Купешов, А. С. Лазарев, А. А. Лихинов [ответственный секретарь], Е. И. Рабинцов, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАЦИИ:

Для спортивных — 250-87; для газеты, литературы и искусства — 251-32-84; очерков и публицистики — 251-03-51; для политики и общественной жизни — 251-30-50; физкультуры и спорта — 253-31-50; писем — 253-30-47; науки и техники — 251-04-10; фотогородка и репортажа — 253-30-97; информации — 253-31-03; оформления — 250-29-38.

Художник-оформитель О. Теслер. Технический редактор Н. Вудина.

А 00652. Сдано в набор 24/VII 1968 г. Подписано и печати 17/VII 1968 г.
Формат бумаги 70 × 108 $\frac{1}{4}$. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 150 000. Над. № 1410. Заказ № 1693.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

5

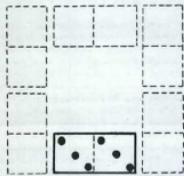
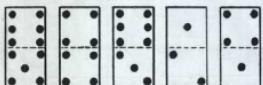
НА РАЗ
МЫШЛЕ
НИЕ

1

На рисунке изображены три фигуры, из которых можно легко сложить треугольник. Попробуйте сложить из них квадрат.

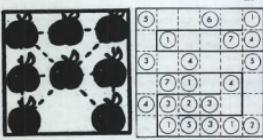
2

В очерченных пунктиром местах разместите пять костей домино так, чтобы сумма очков вдоль каждой стороны квадрата равнялась 14.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, «СМЕНА» № 14

1

ЧЕЛОВЕК РОЖДАЕТСЯ НА СВЕТЕ

КРОССВОРД

Составил В. НИКУЛИН, совхоз «Подъем». Тамбовская обл.

По горизонтали:

3. Огородное растение. 6. Наука о законах развития природы, общества, мышления. Таны. 10. Союзная советская система образования. Одна из географических координат. 14. Композитор, автор блестящей «Трополи грома». 18. Страна, где расположена транспортная система. 28. Синяя машина. 21. Ренс в Северной Америке. 24. Рабочий-новатор. 25. Город на юго-западе северо-запада Африки. 27. Шахтерский город во Франции. 29. Песня А. Новинского. 30. Серб, герой гражданской войны в СССР. 31. Море, в котором всплыла мумия. 32. Наружение музыкального сочинения. 33. Лицевая сторона. 34. Мраморы, монстры.

По вертикали:

1. Предрасположение определенной деятельности.
 2. Печь птицы. 4. Цветом.
 3. Растущее семейство потешки. 5. Страна сказок. 6. Красноярск-Сибирь. 7. «Народуоружительный сплав». 11. Единица веса.
 12. Частичка математики. 13. Страна зверей. 14. Страна животных. 17. Приток Кунты. 18. Ежегодник птиц. 20. Животные в лесу. 21. Лососевая рыба. 23. Повесть о любви. 24. Земноводное животное. 25. Персонажи из оперы. 26. Гуллик и Артемий. 27. Запорожские казаки. 28. Городок промышленников. 29. Деятельность лиц из оперы Д. Россини «Севильский цирюльник».

**ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14**

По горизонтали:

1. Квартет. 4. Чигатура. 8.
Жаботинский. 11. Алей. 12.
Жиганов. 13. Чанг. 16. Оре-
ховина. 17. «Метелица». 18.
Флур. 19. Шипкин. 24. Вид-
струп. 25. Фельцман. 27. Ай-
ни. 28. Патрот. 29. Марш.
32. Хореография. 33. «Вра-
тарь». 34. Судалов.

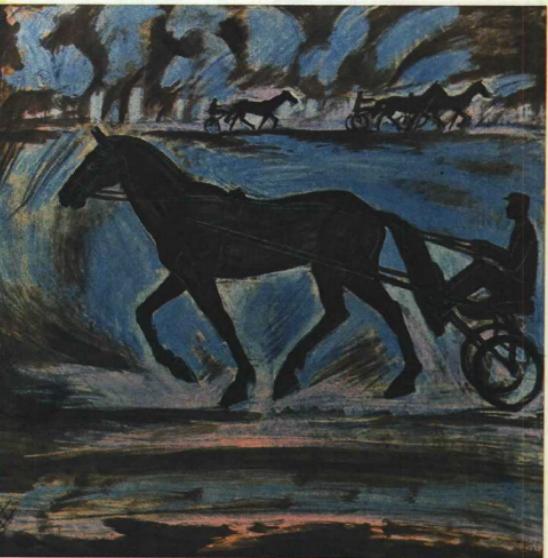
«О вертикали»

1. Крыжачок.
 2. Трап.
 3. Тропинка».
 4. Чистотел.
 5. Нис.
 6. Автограф.
 7. Кивач.
 8. Переиздания.
 10. Радио-компас.
 14. Повесть.
 15. Ценные.
 20. Образцов.
 21. «Журавль».
 22. Резонанс.
 23. Гашдышль.
 26. Прага.
 30. Род.
 31. Пиэз.

ПЕРЕКУР

ВЫЕЗДКА

ПОЭЗИЯ ОБЫКНОВЕННОГО

Для меня дороже всего в искусстве сардинальская интонация, изображение главного, умение раскрыть саму атмосферу происходящего, а не просто теорию или заново, каждый раз открывая саму антиподную значительность в привычном. Очи учит нас глядеть на мир иначе. Конечно, средневековье арифметическое в искусстве не интересует. Но случайно итого из художников сколько-нибудь нарисовать буду, нужно забыть все марсианские мечты.

В работах молодого московского графика Александра Манисимова привлекают своею яркостью, простотой, ясностью, обновленной изобразительностью, откроющей владение изобразительностью подлинной формой. Художник, базируясь на Хреновинском конном куполе, не может не вспоминать бледноту, праздный туризм. Ему дорога и бородатые, сажевые, и есть сегодняшний день, и чудесные люди, которые составляют известных во всем мире орловских рысаков. В рисунках Манисимова, как правило, показаны эти простые труженники с добрыми лицами и привычными и труды румами. В небольших картинах художника, художник раскрывает поэзию пасеведничества, выражая свое, глубоко личное представление о делах и людях. И это не случайно. Мне приятно видеть постоянный рост художника, и я от души желаю Александру Манисимову успехов в творчестве, и уверен, что они будут, потому что человек он талантливый.

Николай ПОНОМАРЕВ,

профессор,

член-корреспондент

Академии художеств СССР

заслуженный деятель искусств РСФСР

Он окончил Московский художественный институт имени Сурикова в мастерской плен-пата Михаила Черемных и Николая Пономарева. Он — настоящий серьезный,думчивый художник. Он подогнулся к жизни, и только потом приступает к ее осуществлению. Его картины, созданные в этом номере «Смены», есть главные темы искусства — они сделаны просто, неравнодушной рукой художника современных средств изобразительности.

Художник смотрит на мир широко открытыми глазами, и когда начинает работать,

то начисто забывает обо всем. На такую подлинную художественную интуицию не хранение длительного творческого опыта не способствует и не далено по наядки. И это видно потом в работах. У Манисимова я увидел несколько деревень, работавших в разных тонах, в которых непосредственность выражения чувства соединилась с активной, подвижной формой.

Первое впечатление поразило меня больше всего на ногах. В первом же году были выставлены в Красная площадь Манисимовы орловских рысаков, — рассказывал

Александр Манисимов. — Орловских рысаков, которых видели впервые в Москве. Там же я открыл. Они все время в движении: играют, вспыхивают, гарцируют. Кони каллизмы, как говорят.

Конезавод — это не только известные во всем мире кони. В первую очередь это люди. Манисимов, как никто другой, сумел проявить, а потом снова вернулся домой, к своему основному делу. Александр Манисимов рисует не просто коней, а коней-характеров, типичное в облике, в манере дерзкое существо. Это ярки, пышные, достоверные, добрые, трусливые, отважные, смельчаки, дают шутку, остров словцо. За лошадьми ухаживают люди, и это тоже очень интересно.

Горячее, живое отношение во всему увиденному обеспечило успех работ художника.

Выразительные и пластические рисунки его способствуют в монументальный собирательный образ времени. Художник открыл нам область жизни незнакомую и привлекательную.

Григорий АНИСИМОВ

ЗНАМЕННITАЯ «БАЛА-ЛАЛКА»

...И НА «ЖЕЛЕЗНОМ
КОНЕ»

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820

